

Дарья
БЕЛОВА

Сыграем?

ПО МОИМ
ПРАВИЛАМ

Дарья Белова

Сыграем? По моим правилам

<https://litres.ru/73599437>

SelfPub; 2026

Аннотация

Перевод в закрытую элитную Академию для мажоров обернулся для меня сущим кошмаром.

Я стала мишенью в игре богатеньких придурков. И правила придумывает предводитель их стаи. Его зовут Руслан Бирн, но все обращаются к нему «Грех». Выглядит он так же, разве что вместо сердца кусок ржавого железа.

И что будет со мной, если в финальной игре предстоит сражаться с ним один на один? Еще не родился человек, способный справиться с его силой, магнетизмом и проклятой харизмой... Или этот человек — я?

Содержание

Аннотация	4
ПРОЛОГ	6
Глава 1. Лида	9
Глава 2. Лида	14
Глава 3. Лида	18
Глава 4. Лида	23
Глава 5. Лида	29
Глава 6. Лида	34
Глава 7. Лида	41
Глава 8. Руслан	48
Глава 9. Лида	56
Глава 10. Лида	63
Глава 11. Лида	68
Глава 12. Лида	75
Глава 13. Лида	83
Глава 14. Лида	91
Глава 15. Лида	101
Глава 16. Лида	108
Глава 17. Лида	116
Глава 18. Лида	123
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Дарья Белова Сыграем? По моим правилам

Аннотация

Перевод в закрытую элитную Академию для мажоров обернулся для меня сущим кошмаром.

Я стала мишенью в игре богатеньких придурков. И правила придумывает предводитель их стаи. Его зовут Руслан Бирн, но все обращаются к нему «Грех». Выглядит он так же, разве что вместо сердца кусок ржавого железа.

И что будет со мной, если в финальной игре предстоит сражаться с ним один на один? Еще не родился человек, способный справиться с его силой, магнетизмом и проклятой харизмой... Или этот человек – я?

* * *

Крутая машина подрезает и резко останавливается. Меня орошает из лужи, и белая форменная блузка покрывается грязными брызгами.

– Садись, Колибри!

Они успели дать мне прозвище? Целый месяц не замечали, и стоило случайности произойти...

– Нет. Я не могу. И не буду!

Взгляд льдистых глаз Греха стягивает на моей шее тонкую удавку.

Хочу убежать, но меня успевает окружить его верная стая. Дышать нечем.

– Ты вступила в игру, Колибри, из которой уже не выбраться. Невредимой...

Пячусь. Спиной натыкаюсь на стену по имени Тео, и моего носа и губ касается что-то влажное, неприятно пахнущее снотворным.

Вырываюсь. Мои крики заглушает тряпка. Перед глазами все расплывается. Падаю. Последнее, что слышу:

– В багажник ее. Нечего этой грязью пачкать новый салон.

Жестокая игра, где еще не было ни одного раунда, началась.

ПРОЛОГ

Часы на башне громко бьют девять вечера, когда я выхожу из библиотеки. Темноту разрушает лишь фонарь над входом, покачивающийся от штормового ветра и издающий скрип.

Страшно до чертиков. Я одна.

Знакомая крутая машина подрезает и резко останавливается передо мной. Орошает из лужи, и белая форменная блузка покрывается грязными брызгами. Несколько капель попадают на лицо и в рот.

Противно, мерзко. Очень и очень холодно.

Сердце совершает последний удар и останавливается, когда в открытых окнах я вижу *их*. Грех и его свита. Короли Академии, те, от кого следует держаться за сотни километров, сейчас выходят из машины, пригвождая меня к месту.

– Садись, Колибри! – ровный, спокойный тон заставляет сжаться в комочек.

Они успели дать мне прозвище? Целый месяц не замечали, всех настроили на то, что меня, новенькой, не существует. Я – отброс общества, жалкая, никчемная стипендиатка.

– Нет. Я не могу. И не буду! – панически прижимаю к себе рюкзак, где прячется тетрадь с важными для меня записями.

Взгляд льдистых глаз Греха стягивает на моей шее тонкую удавку. Он знает про мое расследование, про найденную записку.

Хочу убежать, но меня успевает окружить его верная стая. Дышать нечем. Тео, Аскольд, Натан, как титаны, обходят со всех сторон, глумливо посмеиваясь. Они выше и шире меня раза в два, а то и в три. Баскетболисты.

– Ты вступила в игру, Колибри, из которой уже не выбраться. Невредимой... – Тео гладит по щеке и пихает в руки Аскольду.

– Она очень рада. Правда, детка? – Натан толкает меня к Аскольду. Парни скалятся.

– Может, это ее план? Чтобы ее заметили. Поверь, я заметил, – Аскольд сжимает мою талию и втягивает запах моих волос. – Вкусная стипендиатка. – И грубо отталкивает, пока я не падаю на колени, больно расцарапав их до крови.

Поднимаюсь с трудом и пачусь. Спиной натыкаюсь на стену по имени Тео, и моего носа и губ касается что-то влажное, неприятно пахнущее лекарством.

– Спокойно, Колибри. Больно не будет... Наверное.

Мои глаза расширяются в тот момент, когда расплывающаяся фигура Греха идет на меня, накрывая своей тенью подобно черному плащу.

– Я приказал тебе быть невидимкой. Ты послушалась, – нагнувшись, шепчет. – Настала пора расплачиваться за непослушание. Ты в игре, Колибри!

Вырываюсь. Мои крики заглушает тряпка. Перед глазами все расплывается. Падаю. Последнее, что слышу:

– В багажник ее. Нечего *этой грязью* пачкать новый са-

лон.

Жестокая игра, где еще не было ни одного раунда, началась.

Глава 1. Лида

– Уф! Ну вот мы и на месте, – мама произносит, волнуясь. Ее взгляд бежит, пока она расстегивает ремень безопасности.

Сегодня наш первый день в Академии *Рейвенс*. Самом богатом, закрытом и элитном институте. Я поступила на второй курс, а маму пригласили на должность профессора русской словесности.

– У тебя все получится, – приободряю. – И у меня. У нас, в общем, – хотя сама волнуюсь не меньше.

– Новое место, новая жизнь. Новые возможности, так? – Даем друг другу «пять» и выходим из нашего слегка потрепанного «Шевроле», преодолев две тысячи километров из столицы. От отца, проблем, вороха неудач.

Итак, Академия Рейвенс...

Одно из самых престижных мест, куда мечтает попасть абсолютно каждый, а право вытянуть счастливый билет достается избранным. Настолько избранным, что в очереди стоят дети советников, вундеркинды из министерских семей и отпрыски владельцев крупнейших холдингов.

В общем, мажоры из мажоров, но с мозгами и титулами. Сколько таких? Один процент из ста?

Так, как сюда попала я? Безызвестная, ничем не выдающаяся Лидия Романова.

Немного ума, хитрости и пункт в договоре, где детям преподавателей предлагается место стипендиата, если пройденный тест будет соответствовать уровню знаний для такого места, как Рейвенс.

Мама поправляет полы моего пиджака – местной, но неудобной формы – и улыбается, точно ее заставляют.

– Сначала тебе нужно зайти к секретарю. Будь вежливой, на конфликты не иди. Помни, что большинство споров можно решить путем переговоров.

Стараюсь не закатить глаза. Как борец за справедливость я часто вступаю в разного рода «войны»...

– Удачи!

Мама целует меня в лоб и снова стряхивает невидимые пылинки с плеч пиджака. Развернувшись на низких каблуках, мало сочетающихся с фигурой и делающих образ старушечьим, она идет в противоположную сторону.

– И, Лидия, очень тебя прошу, избегай проблем хотя бы в первый учебный день.

– Обещаю, мама.

Жду, когда родительница скроется за ближайшим поворотом, и выдыхаю.

Мой выдох отталкивается от мраморных колонн и расходится вибрирующим эхом. Здесь стоит такая вековая тишина, что становится чуточку жутко. Это место пропитано загадками насквозь. Пусть я обожаю различные тайны, но мурашки по коже не собираются скрываться, какими бы свет-

лыми не были залы старинной усадьбы.

– Второй этаж, секретарь. Романова Лидия, стипендиатка, второй курс... – повторяю, оглядываюсь.

Никого нет, но есть ощущение, что я не одна. Боже мой, этому зданию пара-тройка веков.

Поднявшись по высокой лестнице, взглядом упираюсь в несколько объявлений, афиши, правила поведения в Академии, законы. Отдельно висит герб. Чуть дальше доска почета в позолоченной раме: лучшие студенты.

На последнем стенде расписание игр местной баскетбольной команды. Капитан – некий Руслан Бирн. Всматриваюсь в единственную фотографию. Говорят, от таких парней стоит держаться подальше.

Пока рассматривала стенды, незаметно подошла к двери с табличкой «Секретарь». Дверь оказывается приоткрытой, из кабинета доносятся приглушенные голоса. Один мужской, принадлежащий парню, студенту. Тихий, рокочущий. Второй женский, спокойный, не без волнения. Если не ошибаюсь, сейчас идет пара...

«Лидия, очень тебя прошу, избегай проблем хотя бы в первый учебный день», – звучит в голове голос мамы.

Тайны, загадки... Приключения сами меня находят. И вместо того, чтобы заявить о своем присутствии, прислушиваюсь.

– Ваши игры, Руслан Эльдарович, противоречат законам нашей Академии. И вам это прекрасно известно. Я понимаю,

исчезновение вашей девушки, одной из лучших студенток, отразилось на всех нас, но...

– Запретить свои же игры могу лишь я. А я... не хочу, – нагло перебивает, оставаясь будто на голову выше во всех смыслах.

Хм... Самоуверенный этот Руслан Эльдарович.

– Ради всех святых, это опасно! Это может дойти до несчастного случая! – В женском голосе пролетают напряженные, злые нотки.

Пыль, осевшая в носу, щекочет. Чихаю и мысленно ругаюсь.

Вместо ответа слышу шорох ног, и... дверь распахивается, бьет с размаху. Теряю равновесие и падаю. Юбка, взметнувшись, задирается, обнажая бедро, но мне не до "девичьей чести", она подождет. Хватаюсь за плечо. Тупая, нарастающая боль в кости гудит под ладонью.

Поднимаю взгляд и вижу... Капитана баскетбольной команды. Руслан Бирн. Господин Грех.

Темные волосы и белоснежная кожа. Красивый вампир, сошедший с обложки книг про кровососущих трехсотлетних тварей.

На фотографии со стенда он выглядит более загорелым. Как если бы это лето провел в северных краях, редко выходя на скудное солнце. Руслан остается стоять, и на его лице не мелькает никакой эмоции: ни злости, ни раздражения, ни удивления. Я только что стала свидетелем их разговора, а

этот... Вампир. Статуя выражает больше чувств, чем Бирн.

Только его взгляд медленно огибает меня, впрочем, тоже безучастно. Таким взглядом обычно рассматривают безликий манекен.

— Вы, должно быть, Лидия Романова? — запыхавшимся голосом спрашивает секретарь, выбежав на шум.

Киваю. В голову стреляет боль, проходящая тонкой пикой через виски.

Руслан делает шаг, подает руку, за которую не знаю, хвататься или нет. У него такая тяжелая аура, что я как в Маринскую впадину опускаюсь. На самое-самое дно.

От него исходит густой, морозный аромат одеколона, и во рту собирается слюна. Наверное, я просто голодна.

— Надеюсь, ты будешь слепой и глухой невидимкой, Лидия Романова. В твоих же интересах. Иначе... оглядывайся, когда будешь ходить по Академии. — Безжизненно, но твердо говорит.

И уходит, окинув меня взглядом, от которого ежусь. Что ему там твердили про игры?

Глава 2. Лида

Ты станешь немой и слепой невидимкой.

В голове шумят только эти слова, сказанные леденящим голосом души. Да, пугают не сами слова, а тон, взгляд и сам Руслан Бирн. Однозначно, нужно держаться от такого вампира подальше.

– Пройдемте в кабинет, Лидия Романова.

Женщина средних лет спускает очки в тонкой старомодной оправе на нос и оглядывает с брезгливостью. Ее кожа такая же бледная, а цвет волос напоминает мне вороново крыло. Символично, ведь на гербе Академии изображен ворон.

Вхожу осторожно. Шаг за шагом продвигаюсь вглубь огромного кабинета. В призрачном свете мерцают зеркала во всю стену, а над головой свисает старинная люстра.

Холодно. Окно открыто настежь. Но снаружи ведь довольно тепло... Не понимаю, почему меня знобит в этих стенах.

Передо мной падает большая папка матового черного цвета. В середине герб Академии, снизу слоган на латыни: *«Cogito, ergo sum»* – *«Я мыслю, следовательно, я существую»*.

– Вот ваши документы: расписание, список литературы, обязательные работы, которые вы должны выполнить и сдать в конце этого курса. И папка первокурсника, – говорит с едва заметным смешком. Мой курс – второй. – Рекомендую озна-

комиться, чтобы вы понимали, чего ждут от вас, стипендиатки, в такой Академии как Рейвенс.

Секретарь садится в свое кресло, издавая скрип. Сквозняк громко хлопает дверью, вынуждая сердце подскочить к горлу. Это было шумно, не вовремя и... жутко.

За спиной слышу протяжное «Ш-ш-ш»... Будто кто-то ударился и теперь шипит от боли.

– Это ветер, – равнодушно говорит женщина, бросая недвольный взгляд в мою сторону. Она тоже это слышала?

Что ж, добро пожаловать в Академию Рейвенс, Лида!

Схватив папку со стола, выбегаю из кабинета, где пахнет лесом и травой, и спускаюсь по лестнице. В это время одновременно практически все двери залов открываются, и оттуда вываливаются толпы студентов.

Поток идет в мою сторону, на меня. Я уже невидимка! Мне отчаянно не хватает воздуха. Однородное полотно в одинаковой одежде превращается в морскую гладь, уносящую в пучину.

Я не успела посмотреть свое расписание, поэтому сливаюсь с толпой и иду с ней в одну сторону. Большие часы над входом бьют двенадцать дня.

– На игру идете сегодня? Открытие сезона. Мы точно порвем всех!

– Грех обещал устроить вечеринку после победы. Я однозначно иду.

– М-да... О проигрыше он и не заикается.

Троица девчонок посмеивается.

– Это же Грех, – сладким тоном отвечает одна из них.

Они замолкают, когда выходят на гравийную дорожку, ведущую к соседнему зданию. Я тихо следую за ними.

На вывеске указано «Столовая», но, оказавшись внутри, уверенно заявляю: это что угодно, но не она.

Несмело становлюсь за одной из тех, кто обсуждал игру, и крепче прижимаю рюкзак и папку к груди. По сравнению с этими девушками, я выделяюсь, пусть и форма у нас одна: плиссированная юбка, гольфы, белая блузка и пиджак.

Замечаю частые косые взгляды, хмыки, шепотки. Мои волосы забраны в высокий хвост, но тонкие «антеннки» торчат в разные стороны. На лице нет косметики, я ее просто не люблю. А в ушах тонкие колечки-сережки из обычного серебра.

Сложно быть невидимкой, когда ты новенькая и не такая как все. Бедная стипендиатка среди богачей.

Взяв самый обычный салат из овощей, останавливаюсь посередине забитого студентами зала. В столице у меня были друзья, и я никогда не оставалась одна. Сейчас чувствую приближение одиночества.

Найдя в углу стол с единственным свободным местом, иду к нему.

– Могу присесть? – спрашиваю сидящую за ним девушку.

Она другая, не такая, как, например, кто-то из той троицы. Слегка полновата, если говорить о современной моде.

Волосы собраны в тугой пучок. Лицо чистое, а вот губы выкрашены в темно-вишневый цвет. Смотрит, правда, со скептицизмом и чуть брезгливо. На ее запястье сверкает дорогой браслет.

– Новенькая? – спрашивает, жуя.

– Второй курс.

– Добро пожаловать в *Ададемию* Рейвенс, – с легкостью отвечает, теряя ко мне всякий интерес и отправляя в рот сочный кусок говядины.

Желудок сворачивается. Не пойму, от голода, страха или излишнего внимания ко мне.

– Ч-что?

Мне же не послышалось? Она сказала «Ададемия»? С осторожностью сажусь на край стула, ощущая на спине десятки пар глаз.

– Ты все правильно поняла, новенькая. Ададемия. Если и есть ад на земле, то ты, дорогуша, в самом его центре, – взглядом обводит набитую студентами столовую, где стоит ненормальная тишина для такого шумного места.

Окно раскрывается, ударяясь ручкой о боковую панель, уводя плотную черную штору вверх. Она напоминает расправленное крыло ворона. Я слышу «Ш-ш-ш»...

Ад, Грех, черный ворон с раскрытыми крыльями на гербе, игры... Куда я попала? Может, быть невидимкой очень даже неплохо?

Глава 3. Лида

– Значит, ты Лида, – Роза не перестает рассматривать меня, словно я новая невиданная игрушка. Это напрягает, но пока ничего не говорю. Сама же присматриваюсь. Как никак мы из разных миров и вполне логично, что девчонка смотрит с дикостью во взгляде.

По счастливой случайности, или не очень счастливой, Роза не только учится со мной на одном курсе, но и по расписанию у нас много совместных лекций. И сейчас она садится справа от меня и достает тетради, цветные ручки и маркеры. Тихо напевает себе под нос.

Странная она.

– И как тебя занесло к нам, Лида? – положив ногу на ногу, склоняет голову и прищуривается. Ее яркие губы складываются уточкой. Роза положила раскрытую ладонь под подбородок, и на каждом ногте я подмечаю приклеенные розовые стражики.

Открываю рот, чтобы ответить «как все», но двери большого зала открываются, и входит *он*. Высокий, статный. Широкие плечи обтягивает черная рубашка. На ногах брюки цвета мокрой хвои. Оригинально. Пары глаз всех присутствующих примагничиваются к этому мужчине.

– Профессор латыни и древнегреческого, – шепчет Роза, наклонившись. – Мой любимый.

Ее щеки приобретают багряный оттенок. Обернувшись, застаю несколько девчонок со схожим цветом лица. Поправочка: здесь все представительницы прекрасного пола.

– Ему же лет сорок! – на громкий шепот слышу цык.

– Так и не скажешь, да?

Удивленно моргаю. Мне этого не понять, но да, профессор симпатичен и мил.

– Чацкий Корней Эммануилович, если вы новенькие на моем курсе, – его взгляд останавливается на мне. Оседаю и тоже покрываюсь румянцем.

На меня смотрят глаза цвета сочного мха. Хочу сделать глубокий вдох и почувствовать, как от прохлады леса пробирает до костей. И я сказала, что он носит очки в тонкой оправе цвета его глаз? Жутко... Жутко интересно и загадочно.

– В этом году мы с вами будем изучать латынь.

Он подходит к довольно потертой доске и берет в руку кусок толстого мела. В этом старинном месте и преподают по старинке: доска, мел, грязная сухая тряпка, от которой в воздухе витает мелкая пыль.

– Один из красивейших древних языков, но... живущий до сих пор, – философски подмечает, устремляя указательный палец к потолку.

Воцаряется театральная пауза. Корней – язык не поворачивается примыкать к его имени еще и отчество – оглядывает каждого студента. Я – библиотеку. Сколько лет этим томам? Мне кажется, я слышу скрип книжного червя, когда он

грызет вековые страницы.

Красивым и совсем не мужским почерком на доске появляется надпись: «*Cogito, ergo sum*».

– Это девиз Академии, – поворачиваю голову к Розе. Ее щеки вовсе становятся цвета заката.

– Верно, – профессор указывает на мою одноклассницу и смотрит на нее поверх спущенных очков, – мыслю, следовательно, существую. Латынь – язык мыслителей. Язык, на котором говорит мудрость. Сама жизнь.

Наблюдаю, как вся аудитория открывает конспекты и царапает ручками по листам, записывая, как я понимаю, сказанное Корнеем Чацким. Поднимаю на него взгляд, профессор жестом просит повторить за всеми.

– Перед тем, как мы приступим к непосредственному изучению языка, я попрошу вас найти значимую фразу и разобрать в каком контексте, при каких обстоятельствах и кем она была озвучена. Эти книги, – пальцем обводит широченные стеллажи, – в вашем полном распо...

Дверь открывается и входит девушка. Уверенной походкой и, что главное, с легкой улыбкой на лице она доходит до первых парт.

– Прошу меня извинить, Корней Эмануилович, – и перед каждым кладет листовку.

Яркий блестящий лист, сложенный втрое.

«Первая игра сезона. Не пропустите!

«Вороны» против «Барсов». Сегодня в 19:00 в спортивном

центре «Олимп».

Вечеринка после игры состоится в клубе по адресу...»

Внизу фотография сборной по баскетболу, где в центре я вижу того парня. Руслан Бирн. Грех. Даже через бумагу чувствую на себе его взгляд. И ледяную руку, сжимающую мое горло. Вот бы вскочить и убежать к обрыву, сделать глубокий вдох, чтобы понять, что я все еще жива и могу дышать.

Воздух в библиотеке сжимается, электризуется. Улавливаю треск и гул. Перед глазами увеличивается количество чернеющих мушек.

– Господин Грех, – из оцепенения меня выдергивает голос профессора.

Он слышится мне веселым, несколько расслабленным. Не скажешь, что минуту назад его лекцию неуважительно прервали, чтобы раздать листовки. Я больше чем уверена, они уже лежат на всех подоконниках старинной усадьбы.

– Никуда без него. Даже на своих лекциях. Передайте ему удачи, Мирра.

Девушка делает что-то вроде книксена перед Корнеем и испаряется. В воздухе остается витать только ее едва слышимый аромат цветочных духов. Дорогих, скорее всего. Но Профессора нисколько не задело такое поведение. Даже позабавило, ведь он продолжает разглядывать листовку, от которой мне не терпится избавиться. Смять и бросить... трехочковый? Упс, с моим метром шестьдесят это невозможно.

– Ставлю на «Воронов», – подмигнув, сообщает он. Девчонки принимаются хихикать, но с хлопком в ладоши смех прекращается. – Итак, задание понятно?

Скрип стульев. Мои одноклассницы встают с мест и с ровными спинами распределяются по библиотеке. Она огромная. Здесь потеряться, как нечего делать.

– Только кто-то отбитый и бесстрашный из нашей Академии поставит на «Барсов», – бросает равнодушно Роза и, фыркнув, скрывается за одним из стеллажей.

По ощущениям, я остаюсь одна. Только Профессор Чацкий садится за учительский стол, возвращаясь взглядом к листовке. Смотрит долго-долго.

Отчаянно захотелось поставить на этих «Барсов»...

Глава 4. Лида

Оставшуюся часть дня я путешествую по усадьбе и ее окрестностям в компании Розы. Девчонка оказывается хоть и чудной, но общительной. Не знаю, почему она в столовой сидела за столом одна. По-видимому, здесь у нее нет друзей, но Роза сильно нуждалась хоть в одном друге. Так получилось, что выбор пал на меня.

После занятий по латыни мы посещаем лекцию по истории. Завершает день пара по физкультуре. Повесив языки на плечи, идем к общежитию. Роза одна из немногих, кто живет на территории Академии. Большинство студентов проживают со своими семьями в поместьях на берегу моря. Как еще может быть у мажоров?

– Вот примерно так я и живу, – Роза кружится в середине нашей комнаты. Оказывается, мы соседки.

– Мило, – осматриваю свою пустую часть комнаты и полную всякого барахла сторону Розы. – Можно вопрос?

– Мои родители живут на севере. У них там завод, который они не могут оставить. Поэтому я не как все. У меня нет виллы, но есть койка в общежитии. Согласись, здесь неплохо.

Роза опережает мой вопрос.

Я, стараясь не привлекать внимание, снова оглядываю соседку, бриллианты в ее ушах и комнату: шкаф, набитый

одеждой, бардак на столе и ярко-розовый пушистый ковер у кровати. На стене постер какой-то корейской группы.

– Ты уже придумала, в чем пойдешь на игру? – подскакивает и начинает перебирать вешалки с различной одеждой.

Та тоже странная, под стать Розе. То рюши, то пушистый, как покрывало, кардиган, брюки с невозможным клешем. В моде я не сильна, но даже я понимаю – у этой девчонки свое оригинальное видение.

– Есть шанс избавиться на какое-то время от этой ужасной формы. Все тело чешется.

На кровать летит кислотного цвета короткая юбка, топ с бахромой до самых колен и удивительного вида индейское пончо ярко-малинового оттенка.

– Я не пойду, – отвечаю неуверенно, присаживаясь на свою кровать. Матрас под моим весом проседает и почти схлопывает меня, как мушку. Вот это мягкость, в жизни на таких не спала.

– Так нельзя, Лида. Вся Академия обязана болеть за «Воронов». В наших же интересах, – ее увлеченный, но поучительный тон вызывает что-то вроде удушья и желания пойти наперекор. Да и после случайно подслушанного разговора Руслана с секретарем следует остаться в комнате и не мелькать перед глазами.

– Мне еще перенести вещи нужно, разобрать...

– Я помогу, – резко перебивает. – К тому же идти одной не хочу. А ты вроде как... ничего. Может, мы могли бы и

подружиться.

Следующие полчаса я перетаскиваю свои коробки из машиной машины (общежитие для профессоров в другом корпусе) и затаскиваю их в комнату под строгим взглядом Розы.

Основная часть моего барахла – книги. Агата Кристи, Эдгар По, Артур Конан Дойл, Уилки Коллинз, Джон Диксон Карр... Есть и современные авторы. Детективы – моя страсть. И только последний небольшой пакет – с вещами.

– Скромно, – говорит с пренебрежением, приоткрывая пакет. Оттуда торчит единственное белое платье тонкой вязки. Мама сказала, что оно на все случаи жизни. – И я надеюсь, ты не из тех, кто просит одолжить вещи на пару дней? Своей одеждой я ни с кем не делюсь.

Я почти закатываю глаза.

– Не беспокойся на этот счет, – улыбаюсь. – У нас кардинально разное представление о стиле.

– Вот и отлично. Тогда есть ровно полчаса, чтобы успеть привести себя в порядок. До стадиона же еще нужно добраться. И да, главное – в ванную я всегда иду первой.

Роза сгребает выбранный наряд и закрывается в ванной, чуть не сорвав дверь с петель. Падаю головой на подушку и прикрываю веки. Этот полный приключений день не собирается заканчиваться.

Книги оставляю не разобранными и переодеваюсь в единственное платье. На ногах балетки, волосы распускаю, а посмотревшись в зеркало на двери, вновь собираю в хвост. С

распущенными волосами оказалось непривычно.

До «Олимпа» ходит автобус, на котором мы и добираемся в город. По пути рассматриваю окружающие нас холмы и растущие на них леса. Дорога узкая. Серпантин.

Из усадьбы девятнадцатого века мы попадаем в двадцать первый с огромными универмагами, жилыми высотными комплексами и тем самым спортивным центром, который выглядит как огромный планетарий: полукруглая сфера, блестящая под сотнями фонарей. Над входом крупная вывеска «Олимп».

Длинная очередь тянется от самой остановки. Многие одеты в цвета команды, за которую болеют. Черно-белые – «Вороны», серые с яркой оранжевой лапой на груди – «Барсы».

– Ты, главное, не отставай, – говорит громко, в бесполезной попытке перекричать толпу. – Здесь заблудиться, как нечего делать!

Нас уносят словно на волнах. Дрейфую среди черно-белых и серых одежд. Перестаю чувствовать под ногами пол. При виде дверей, которые то останавливаются, то крутятся, учащается дыхание, и паника набрасывается словно тот самый снежный барс, непонятно как оказавшийся в этих широтах. Вокруг меня одни незнакомые лица, галдящие разные речевки.

Иду, куда и все. Заполненный холл, множество дверей, скандирование слоганов двух разных команд. Одни стараются

ся перекричать других. Тянусь к ушам, чтобы прикрыть их от назойливых фанатов и ненадолго отключиться.

Я не обращаю внимания, что люди вокруг уже преимущественно в серой одежде. Черно-белая полоса «Воронов» стала... «Барсом».

– Надо, чтобы наши удержали Греха в кольце, – доносится справа. Высокий парень с кудрявой челкой, спадающей на глаза чуть ли не до носа.

– Без него «Вороны» не смогут, – другой парень толкает в плечо своего друга.

Они гадко ржут, не обращая внимания на меня. Хорошо все-таки иметь маленький рост.

Толпа редет. Я окончательно теряюсь. Успокаиваю себя тем, что так или иначе попаду на трибуны, а там взглядом обязательно найду Розу в ее ярком костюме.

Но парни исчезают за какой-то дверью, и я остаюсь стоять одна в узком коридоре, отдаленно слыша только чьи-то голоса, крики и смех. Вернуться обратно? Как бы не так. Эти коридоры похожи на лабиринты. Где вход? А выход?

Впору плакать. Я же даже телефон оставила в Академии, потому что не успела зарядить. И не позвонишь попросить помощи.

– Таких симпатичных фанатов я еще не встречал, – обращаюсь на ломаный голос.

Парень в форме «Барсов» скрестил руки на груди и смотрит, широко ухмыляясь. Мне приходится конкретно так за-

прокинуть голову, чтобы посмотреть в его глаза.

– Дмитрий Барсов. Капитан команды...

– Барсов?

– Смекалистая.

Он так шутит? Смешок срывается с моих губ неожиданно и громко. Невежливо.

– Что ж, я надеюсь, ты не шпионка «Воронов»? Потому что сейчас ты в двух шагах от раздевалки «Барсов».

Мне хочется сказать, что я не то что не шпионка, я в принципе ни за кого не болею и баскетболом не увлекаюсь. Да единственное, что знаю об игре: там неприлично высокие парни и тяжелый оранжевый мяч.

– Нет, я...

Где-то рядом после хлопка двери мы слышим громкие голоса, а потом в проеме, соединяющий два коридора, вижу Руслана. Живое воплощение Греха. Он застывает, видя меня в компании своего соперника, и его лицо белеет еще на пару оттенков, точно покрывается слоем мела.

Сейчас самое время стать невидимкой...

Глава 5. Лида

Взгляд Руслана длится меньше секунды, но для меня это вечность. Он останавливается в проеме, смиряет меня взглядом, в котором читается брезгливость высшей степени, ярость и желание прихлопнуть меня, как таракана.

Понимаю, что ситуация не из приятных. Но она – чистая случайность. Захотелось оправдаться перед командой Воронов.

– Хорошей игры, Грех, – тон Димы точно не дружественный. Скорее, в его планах раззадорить Руслана, вынудить его сделать что-то запрещенное.

– После нашей победы приглашаю на вечеринку, – Рус кивает одному из своих парней. Тот достает откуда-то листовку. Ту, что я получила на паре по латыни.

– Один? – бросает на меня взгляд.

– Разумеется. Вечеринка не для предателей.

Бирн намекнул на мое предательство? Эти обвинения абсурдны и неприятны. Беспочвенны! Я даже не знаю правил баскетбола, и вообще со спортом на «вы»!

Команда Воронов во главе с Грехом проходит мимо меня и Барсова. Один из парней задевает меня рукой, вынудив отшатнуться. По коже пустили колючий удар тока. Все готовы последовать за своим капитаном в прямом и переносном смысле. Уверена, кроме самого Руслана Бирна, никто и не в

курсе, кто я такая и что я учусь в Академии Рейвенс.

Количество приключений и проблем увеличивается, скорость их накатывания на мою пятую точку нарастает. Уже боюсь, чем закончится этот день. Вряд ли Бирн оставит это просто так. Не зря же Роза то и дело твердила, что все студенты Академии обязаны болеть за свою баскетбольную команду. Определенно, Руслан Бирн, ой, Грех, самый важный человек. Важный, но не хороший.

– Я так понимаю, ты из Академии? – спрашивает Дима с той же широкой улыбкой, когда все до одного ворона скрываются.

– Проницательно, – веду бровями.

Мои руки слегка дрожат, и я прячу их за спиной.

– Сочувствую, Грех не из тех, кто забивает на предательство. Идиот считает, что все в Академии принадлежит ему. В том числе люди и их желания, мечты, выбор команды, за которую хотят болеть...

Идиот?...

– Ты не из Академии, но откуда-то все знаешь, – поднимаю голову.

От яркого света морщусь, а поверх растрепанных волос Барсова ореол. Губы продолжают тянуться в улыбке, что делает образ парня дружелюбным. Он полная противоположность Бирну.

– Скажем так... Я хорошо знаю Руслана, – подмигивает.
– Что ты делаешь после игры?

Дима шагает спиной к стене и облокачивается на нее, чуть сгибая колени. И все равно остается выше меня. Чувствую себя не просто мошкой, а какой-то травинкой, которая никогда не сможет дотянуться до соседнего куста.

– Определенно не иду на вечеринку.

– В этом наши планы совпадают. Как на счет кофе? – листовку Дима сминает и выкидывает.

Смущенно отвожу глаза.

– Боюсь, мне стоит вернуться в Академию и готовиться к завтрашним занятиям.

Барсов хмыкает, склонив голову вбок. Его кудряшки пружинят в ответ. Парень милый, чертовски милый.

– Это скучно. Эм–м–м... – щелкает пальцами. – Я даже не спросил твоего имени, фанатка не воронов.

Закатываю глаза. Мне хочется рассмеяться. А вот Дима не стесняется и смеется. На его щеках образуются приятные глазу ямочки.

– Мне пора, Дмитрий Барсов, – поднимаю ладонь, чтобы помахать. Осталось понять, в какую сторону идти.

– К трибунам «Воронов» туда, – показывает в коридор, откуда вышли Вороны. Куда, в таком случае, они пошли? – Окей, не фанатка, сам все выясню.

– Удачи! – кричу, скрываясь за поворотом.

Ох, как она мне пригодится.

Коридор, куда я попадаю, шире и больше, но в нем столько же дверей, сколько и в прошлом. Они абсолютно одина-

ковые. Нет ни номеров, ни указателей. Кто конструировал это здание?

Мигающий свет над головой несколько нервирует, а тишина ускоряет сердечный ритм. Надо было идти с Барсовым, пусть меня бы и увидели все учащиеся Академии.

Приоткрываю двери одна за другой. Где-то заперто, где-то спрятаны обычные электрические щитки. Становится интересно, откуда вообще взялся Руслан и его команда? Из воздуха?

Приоткрыв одну из дверей, попадаю в типичную мужскую раздевалку. На ящиках небрежно висит форма Академии «Воронов». Под лавочки заброшены мужские ботинки. Они даже не додумались выключить за собой свет!

Тянусь рукой к выключателю. Он должен быть где-то сбоку, и взгляд падает на крайний ящик, под которым валяются испачканные ботинками листы.

Я поступаю неправильно, невежливо. Интуиция вопит, что нужно захлопнуть дверь и уходить. От греха подальше. Как же двояко это звучит! Но я поднимаю их и пробегаюсь взглядом по черно-белому рисунку и тексту:

«План усадьбы 1823 года. Арх. Василий Бирн».

Разумеется, в моих руках ксерокопия, а не оригинал. Но по предплечьям все равно тянутся ровным строем мурашки, а во рту пересыхает.

Бирн... Не однофамилец же? Таких совпадений один на миллион. Получается, Руслан Грех какой-то там внук Васи-

лия. Того, кто построил усадьбу, в дальнейшем ставшую нашей Академией. Ну теперь понятно, почему этот отпрыск считает всех своими подданными.

Кладу лист на место, как бы мне ни хотелось отряхнуть и вернуть бумагу лично в руки Руслану с нравоучением, что так с важными (секретными?) документами не поступают. Разворачиваюсь, чтобы уйти. Мне осталось проверить три последние двери. Одна из них точно выведет меня в следующий коридор.

– Что ты здесь забыла? – подскакиваю от неожиданности.

Глава 6. Лида

Кровь стынет в жилах. Я боюсь повернуться и молю о том, чтобы это был обычный призрак, но никак не человек. Не игрок команды «Воронов».

Сжимаю улику в руке и медленно поворачиваюсь на голос.

Парень в полосатой черно-белой форме. Темно-русые волосы слегка влажные. Он смотрит пренебрежительно и оглядывает меня по сантиметрам.

– Сомневаюсь, что это твое, – кивает на лист. – Не так ли?

– Я просто потерялась, – выдавливаю из себя.

Парень на первый взгляд не выглядит яростной угрозой. Он даже выпускает что-то вроде смешка. Но маньяки в первую встречу обычно и не кажутся истинным злом. Поэтому я осматриваю парня в ответ, шаг за шагом отступая. В сотый раз жалею, что повелась на слова Розы о важности присутствия на игре. Останься я в общежитии, проблем было бы куда меньше.

– В мужской раздевалке? – вытягивает из моих рук план. Сам на лист не смотрит. Делаю вывод: незнакомец в курсе, что там изображено. Любопытством заражены все, от мала до велика. Он бы посмотрел на находку, если бы не знал о ней.

– В этом спортивном центре.

– Пошли, – приказывает. – И лучше тебе запомнить марш-

рут с первого раз.

– Лида, – решаю представиться. Ну, вдруг парень хочет обратиться ко мне по имени и не знает как.

Но он груб и невежлив.

– Я не спрашивал твоего имени, маленькая воровка.

Он выталкивает меня из раздевалки и ведет в обратную сторону. Туда, откуда я и пришла. Точнее, откуда направил меня Дмитрий Барсов. Вопросы выются в моей голове, не давая покоя: он знал, что прохода к трибунам нет? Специально меня обманул? Или и сам запутался, куда идти? Здесь не то что без плана не разберешься, год нужен, чтобы понять: что и в какой стороне находится.

Меня ведут обратно почти той же дорогой, но с одним отличием: теперь мы сворачиваем в ту самую ничем не приметную дверь, в которую в начале прошли те парни. Она ведет не в подсобку, как я сначала подумала, а прямо под трибуны.

– Ты забудешь, что видела. Идет? – шепчет на ухо, подойдя близко. Я чувствую запах его одеколона и мужского дезодоранта. – Прислушайся к совету Греха. Для твоего же блага.

Легкий толчок и хлопок двери. Парень исчезает. Я так и не поняла, как он оказался в раздевалке и зачем туда приходил, раз ничего не взял. Ну, кроме меня...

Над головой доносится скрип новых сидений, и тут же на макушку осыпается пыль. Не выдерживаю, чихаю. Глаза сле-

зятся из-за того, что эта самая пыль еще и попала под веки.

Хотелось бы отдышаться. Стыд и страх по-прежнему бродят в моем теле. Успокоиться трудно.

Обхожу длинные ряды и оказываюсь в проеме, по которому поднимаюсь и оказываюсь между двумя секциями. Болельщики разделены по цветам. «Барсы» – слева, справа – «Вороны».

Мест почти нет. Какое-то время стою истуканом, вглядываясь в поле для игры и в две команды, выстроенные по линейке для приветствия. В последний миг вбегает темно-русый парень, мгновенно находя меня и бросая хищный взгляд. Он что-то шепчет Греху, тот поворачивает голову в мою сторону. Все внутренности опускаются. Я чувствую пугающую пустоту во всем теле, кроме живота. Там неподъемная тяжесть и огонь. Взгляд Бирна сжимает меня в... невидимку.

Отворачиваюсь от Руслана и его ауры, будто выдираю глаза с кровью. Как парень моего возраста может так влиять на другого человека? Проклятый дементор.

– Лида! – Слышу знакомый голос. Он кажется мне спасительным нектаром для моих ушей и успокоительным эликсиром для сердца.

Это Роза. Тут же пробираюсь к ней вдоль ряда на подрагивающих ногах.

– Потерялась все-таки? Я же предупреждала! Лабиринт Минотавра имеет больше логики в своих коридорах, чем стадион «Олимп». Уж не знаю, кто рисовал план и кто вопло-

щал его в жизнь, — негодует, нервно покусывая свои невозможно яркие губы. Таких цветов в принципе не должно существовать, чтобы не напрягать сетчатку. Или нужно клеить предупреждение на упаковке: «Осторожно! Опасно для ваших глаз!»

— Прости. Закружилась, — оправдательно улыбаюсь и поворачиваюсь к полю.

Игра начинается со свистком. В центре Руслан и Дима. Стоя на согнутых коленях, смотрят друг на друга, готовые сорваться в любую секунду. Мяч отскакивает от пола в руки парней с громом. Каждый такой «бам» заколачивает гвозди в барабанные перепонки.

Трибуны взрываются гулом. Успевай только крутить головой и переводить дыхание. Мяч, переходящий из рук в руки и пролетающий в корзину, становится маячком, на который смотришь как под гипнозом. Отвернуться или отвлечься невозможно. Черная магия?

В какой-то момент застаю себя по-настоящему болеющей за свою команду. За «Воронов».

Признаю, Грех шикарен. Даже правил знать не обязательно, чтобы видеть, как виртуозно он пересекает поле из одного угла в другой, пружиня мячом точно волшебник. Он... непобедим? Одна часть меня глупо радуется, другая в недоумении и расстройстве. Это несправедливо! Плохой человек не может быть настолько крутым.

Последний мяч был заброшен в корзину тем парнем, по-

казавшим мне выход из лабиринта.

– Тео, – проскрипела Роза. Ее голос от постоянных криков осип. – Теодор Росс.

– Немец?

– Не берусь судить за всю его родню, но Тео – племянник министра иностранных дел. Переехал сюда из столицы и уже три года живет на вершине горы. Той, что позади Академии. Говорят, вечеринки там отпадные, – по грустному вздоху понимаю, что Роза не была ни на одной, но очень хочет попасть. – Он, еще Аскольд и Натан – стая Греха. От них либо держатся подальше, либо мечтают попасть к ним. Самое страшное – оказаться их врагом.

Сглатываю. Взгляд Греха вновь чертит по мне. Надеюсь, не пентаграмму...

– А Дима Барсов? – киваю на расстроенного парня.

– Успела познакомиться? – Роза резко поворачивается ко мне. Бахрома на ее топе хлещет по руке. – Он учится в институте в городе. Перевелся из Академии чуть меньше назад. О причинах никто не говорит, но кажется, дело в...

– Руслане Бирне.

– Да. Но совет: чем реже упоминаешь имя Греха, тем лучше. Да и по имени его зовут только приближенные.

– Тот-Кого-Нельзя-Называть? Ясно.

Из зала спускаемся, держась за руки. Я очень боюсь потеряться. Зная, как приключения меня сегодня любят, рискую обжиться еще парочкой врагов и недоброжелателей.

Все вокруг уже обсуждают вечеринку. «Вороны» победили. Моя же цель – укрыться одеялом и заснуть, оставляя этот странный день позади.

– Лидия Романова... – оборачиваюсь на уже знакомый голос. В эту минуту он слегка досадный.

– И как узнал? – спрашиваю Барсова.

Он машет передо мной новой моделью «яблока» в кислотно-зеленом чехле.

– Современный мир не дает никакой секретности, Лида... Ну так что, кофе? Напротив есть прикольное место.

Я проглатываю язык. Сейчас мы в гардеробе на территории нашей Академии. Это негласно, чтобы фанаты своих команд не оказались плечом к плечу с соперниками. И вот «Вороны» смотрят на меня с нескрываемой злостью. Будут заклевывать на смерть? Какая же глупость!

Только Роза осматривает «врага» вьедливо и с любопытством.

– Прости, Барс. Но я правда не могу, – опускаю взгляд и, быстро схватив сумку и руку Розы, веду на улицу. Слава богу, что выход подсвечен табличкой.

На свежем воздухе мозги встают на место. Я дышу полной грудью и чувствую запах близости моря даже за километры. Жаль, нависшие грозовые тучи закрывают пламенный закат. Спорим, он здесь чудесный?

– Во что ты вляпалась, новенькая? – спрашивает Роза, чуть отойдя от меня.

– Сама не знаю, – качаю головой.

Накопленная усталость утяжеляет конечности. Я падаю на ближайшую лавочку, голову откидываю, чувствуя, как череп заливадается свинцом. Затылок ломит.

– Барсов – двоюродный брат Греха. У них терки с младенчества. Бирн в своей игре заставил Диму уйти из Академии. Не удивлюсь, если тот собирается мстить. Не верь никому здесь, Лида! – голос Розы так же полон усталости.

– В какой игре? – вскакиваю. Боль и тяжесть испаряются. Разговор в кабинете секретаря ярко всплывает в памяти.

Девчонка снова искусывает свои губы. Помада не стирается ни на слой. Впиталась, как эмалированная краска.

– Неважно. Я возвращаюсь в общежитие. На вечеринку меня все равно не пустят. Ты со мной? Или... в кафе с Барсовым?

Пусть мне и интересно, что же такого произошло между Барсом и Грехом, соглашаюсь с Розой. Этот день должен закончиться без новых приключений.

Глава 7. Лида

Утро в Ададемии начинается в шесть утра. С криками чаек, кружащих над морем, и дыхательной гимнастики Розы. Открыв сонные глаза, вижу соседку в непонятной позе. На ногах немислимо яркие желтые лосины, сверху короткий топ вновъ с бахромой.

– Ну ты и спишь, соседка, – мазнув по мне взглядом, говорит после длинного шумного выдоха. Ее ладони сложены в молитвенном жесте.

Взяв телефон с тумбочки вижу ужасные цифры: 06:01. Через приоткрытое окно слышен легкий бег по гравию. Повернув голову, замечаю несколько пар студентов, совершающих утреннюю пробежку. Рядом с общежитием лес, там выстроены специальные тропинки для бега и отдельная для велосипедистов. В самой чаще альпинистская тропа и скала для лазанья. Ничего из вышеперечисленного я не проверяла. Все написано и прочитано мною в методичке.

Да, утро здесь начинается и впрямь очень рано.

Сажусь на кровати, потягиваюсь. Вчерашний день отразился на снах в эту ночь, я продолжаю находиться где-то между мирами и слышать то голос Греха, то изречения на латыни, то звук отбивающегося от пола мяча.

Собираюсь встать под прохладную воду в душе, но Роза, кинув в меня декоративной подушкой со своей кровати,

громко стучит пятками и опережает.

– У нас уговор! – и скрывается за дверью, захлопнув прямо перед моим носом.

Эй, я еще не проснулась! Нельзя так громко, быстро и нагло!

Новый день – новые проблемы?

Пока жду своей очереди (это целых полчаса!) переписываемся с мамой. Общежитие для преподавателей в другом конце усадьбы. Ее соседкой оказалась библиотекарь, и они проговорили всю ночь напролет. О своих приключениях я решила не распространяться.

– Давай шустрее, иначе опоздаем на завтрак! – в приказном тоне говорит Роза.

Подруга из нее пока несколько странная...

Застаю соседку уже при параде, когда выхожу из душа. Длинные накладные ресницы, яркие румяна и совсем бледная помада, что делает ее вид лихорадочно-больным.

Со скоростью пули одеваюсь. Едва успеваю расчесать волосы и забрать их под ободок, как Роза хватает меня за руку и выводит из комнаты. Хорошо дала минуту на то, чтобы вернуться за рюкзаком.

– Вчера ты стала легендой, новенькая, – тычет экраном своего телефона в мои глаза.

Мелкие камушки под ногами скрипят от моих движений, когда в испуге я останавливаюсь, пытаюсь прорыть землю пятками.

– Что? Не верю...

На часах 06:44, и второй день преподносит мне проблему номер один.

Телефон открыт на странице группы Академии. Она недоступна для посторонних, конечно же, а вступить в нее я не успела. Вчера было много дел, если помните. На «стене» во все окно фотография: я и Дима Барсов. Вижу полную карусель из фоток, сделанных в раздевалке. В этот момент капитан команды соперников зовет меня выпить с ним кофе. Это даже не свидание!

Но вот я уже в форме «Барсов», и Дима приобнимает меня. Следующая картинка сделана в форме комиксов:

«Меня зовут Дмитрий Барсов. И я отчислен из Академии за вранье. Что же ждет тебя, новенькая?»

«Меня зовут Лидия Романова, и я нищая стипендиатка, которая не любит «Воронов». Я – предательница и заслуживаю наказания».

На картинке мы улыбаемся друг другу как двое возлюбленных. Выглядит это слащаво и противно.

Конечно же, выставленные фото не имеют ничего общего с реальностью. Фотошоп или нейросеть, что сейчас более популярно? Но рядовой случай в обычной жизни обернулся для меня катастрофой. Жизнь в Академии – не обычна, я должна была это понять еще вчера.

Один день и одна ночь, и неизвестную Лиду превратили в предательницу и попросту высмеяли.

На дверях столовой, на спинках стульев, на столах – да повсюду – развешаны эти липовые коллажи. Самое отвратительное – полная тишина, которая звучит громче музыкальных тарелок в моей голове, стоило переступить порог. Я вроде и невидимка, но... Все обо мне знают. И презирают.

Грех и «Вороны» здесь – что-то вроде святых. Идолы.

– Поверь мне, это еще не самое худшее, – Роза берет меня за руку и как ни в чем не бывало тянет к кастрюлям с кашей. – Пшенная с тыквой. Будешь? На прошлой неделе она пользовалась популярностью. – Ее звонкий голос – единственный в просторном зале, где завтракают сотни студентов.

Сглатываю. Это слышат все. Взгляд цепляет одну фотографию, другую. Надо мной нависают чужие хмыки и смешки. Им... весело.

– Это был всего лишь разговор! – выкрикиваю и начинаю срывать листовки.

Мне обидно. И страшно. Но в полный ужас приводит морозящий спину взгляд. И поворачиваться не стоит, чтобы понять, кто стоит за мной.

Грех смотрит как сквозь меня, но каждую косточку в теле пробирает и ломает. Кровь отливает от лица, я замерзаю под тонкой шерстью форменного пиджака. Начинаю понимать, почему этот парень вызывает столь странную реакцию. Его глаза – пусты, безжизненны. А глаза же – зеркало души?

Он бесшумно обходит меня по дуге, вырвав из рук снятые с ближайшего стула фотографии и, не посмотрев на них,

проходит в центр зала за единственный круглый стол. За Бирном следует верная свита. Отчего-то их имена выжглись на подкорке: Тео, Аскольд и Натан.

Когда свита занимает свои места, жизнь Ададемии возобновляется.

– Ты же не думаешь? – Роза с двумя порциями каши с опаской смотрит в глаза. Часто моргает, прищуривается и поджимает бледные губы. Кончик ее носа краснеет. – Новенькая, это всего лишь стеб, шутка! Они прекратят. Наверное...

Пока в этой жизни я не могу понять две вещи: почему убийца в детективах всегда малозаметный, невзрачный персонаж, почти эпизод, и... почему мы легко проходим мимо несправедливости в отношении другого.

– Лида! – зовет Роза.

Я отряхиваю юбку, будто она испачкалась, расправляю плечи и уверенной походкой иду к тому, из-за кого мои проблемы и начались. Господин Грех. Хочется прошипеть «ненавижу»...

– Твоя работа? – спрашиваю, и мое горло высыхает. Оно першит, а глаза, наоборот, слезятся.

Бирн развалился на стуле, которое по росту ему катастрофически мало. Ноги торчат аж с другого конца стола, а руками можно обхватить этот самый стол дважды. До меня долетает аромат кофе и чистой одежды.

Он лениво осматривает меня с головы до ног. Незаинте-

ресованно и вальяжно. Точно готов отдать приказ безликой прислуге.

– Ты это сделал? – настаиваю и выбрасываю руку вперед с одной из сорванных фотографий.

Роза подходит и пробует остановить меня, но... бесполезно. На ее пути возникает нога одного из свиты Греха. Моя соседка падает и роняет дурацкий, никому не нужный поднос с едой.

Звон бьющейся посуды и метание металлических ложек вызывает дрожь в коленях.

В столовой нарастает смех. А вот свита молчит. Смотрит в упор.

– Знай, так просто я это не оставлю, – пискляво говорю и проклиная себя. Страх перед Бирном не улетучился, а лишь укоренился. – Нельзя заставить человека делать то, что тебе вздумается. Я не обязана болеть за тебя, твою команду и Академию. И если я решила поговорить с твоим врагом, Руслан, то имела на это полное право. Я свобод...

Он не дослушивает. Поднимается с места, увеличиваясь в росте раза в два прямо перед моими глазами, и... уходит.

– Лучше бы ты молчала... – шепотом говорит Тео, перешагнув через Розу, словно той нет.

Помогаю Розе подняться и ловлю разгневанный взгляд новой подруги. Она вот-вот заплачет. Моргает часто, дышит рвано, сложив блеклые губы в трубочку. И уносится из столовой прочь. Я остаюсь стоять одна посреди зала. В тишине.

С центра стола сдираю свою фотографию с подписью: *«Меня зовут Лидия Романова. Я новенькая, и мне здесь не место»*. Второй день в этом месте обещает быть не лучше первого.

Глава 8. Руслан

– Только ты можешь устроить вечеринку, всех позвать, а сам не прийти, – сообщает мне Мирра то, что я и так знаю.

Запахавшись, она наклоняется и ладонями упирается в колени. Ее волосы прилипли ко лбу, а щеки покраснелись.

– И как все прошло? – спрашиваю, вернув взгляд к чашке кофе.

Время завтрака. В нашей семье он ровно в шесть утра, что довольно рано в привычном понимании. На столе тем не менее все меню отеля «Бристоль», сервированный на белоснежных скатертях с такого же цвета салфетками. Ненавижу белый. В отличие от моего отца. У того просто бзик, хотя ему больше подходит цвет грязи. Очень парадоксально для Верховного судьи, не так ли? Зато я с младенчества знаю, что никакой суд не может быть кристально чистым, пока во главе стоит человек вроде моего отца – Бирна Эдгара Вольфовича.

Подношу чашку кофе к губам и замираю взглядом на покрасневшей после пробежки сестре. Все в нашей семье делается по расписанию, поэтому Мирра только что отзанималась спортом. Правда...

– Ты должна в это время быть уже за столом. Мирра, – тут же входит отец и недовольным, наставническим тоном шипит. Не говорит – шипит. Как пресмыкающееся. Его все боятся, избегают и мечтают убежать от него подальше.

– Прошу прощения, – скосив на меня уже уставший взгляд, сестра поднимается к себе.

Как прошла моя вечеринка без хозяина, осталось неизвестно. Да и как-то все равно. Спросил из любопытства.

В столовой под большим стеклянным куполом воцаряется тишина. Отец неслышно проходит к столу и садится, награждая меня гнетущим, увесистым взглядом. Съеденный омлет обращается в желудке грудой мелкой гальки. От нее хочется избавиться, но способов нет.

– Мне понравилась вчерашняя игра, – безжизненным тоном говорит.

Его длинные жилистые руки тянутся к блюду с икрой. Серебряной ложкой отец намазывает ее жирным слоем на ломтик багета и отправляет в рот. От каждого действия к горлу подкрадывается тошнота. Меня тошнит от отца.

Киваю, прекрасно осознавая, что мой комментарий, ответ, даже рассказ совсем не нужен. Интерес к моей жизни у отца исключительно как внимание к хорошему вложению. Я должен качественно работать и приносить прибыль. То есть успех. В какой-то момент я подумал, что ко мне приставят кого-то вроде камердинера, сопровождающего меня, куда бы я ни пошел. Он бы обо всем докладывал отцу, следил за моим поведением, речью, манерами – всем. Фамилия Бирнов ассоциируется только с высочайшим качеством, умом, богатством, и... элитой. Мне же хочется послать это все куда подальше.

– Учеба?

Он даже не задает вопрос полностью!

Допиваю свой кофе и поворачиваю голову к настенным старинным часам.

– Супер.

– Следи за сестрой. Она стала меня разочаровывать.

Доев свой завтрак, отец встает и тихо просит убрать всю еду незаметных глазу слуг. Мирра только спустилась, но это нашего отца не колышет. Расписание, время, глупые правила поместья Бирнов.

Мы так и остаемся стоять неподвижно: я у стола, с которого прислуга забирает тарелки, Мирра на первой ступени лестницы.

– Что-то натворила, что не зашло нашему папочке? – спрашиваю, подойдя ближе. Мирра старается держаться, но день за днем моя сестра трескается под силой и надзором родного отца. Я бы принял закон, где такое поведение, как у Эдгара Бирна, считается преступлением.

– Да так... – краснеет и не смеет посмотреть в глаза.

– Мирра?

– Да поцеловалась с одним там... Ладно. Поехали в Академию, может, успею заскочить на завтрак. Я жутко голодна, и...

– На, – протягиваю бутылку воды, которую удалось незаметно стянуть со стола.

– Ты в очередной раз спасаешь меня от гибели, – выхва-

тывает и, не с первой попытки открутив крышку, присасывается к горлышку.

– И еще не раз спасу, – убираю выбившуюся светлую прядь за ухо.

В этом мире остался один близкий мне человек, за которого могу и... убить? Это Мирра. Я старше ее почти на год, но ответственность за нее чувствую колоссальную. Именно сестра ненароком заставляет еще верить во что-то хорошее в людях и сохранять крошечную человечность, когда, по большому счету, на всех вокруг мне плевать.

– Руслан?

Мы с Миррой переглядываемся и одновременно опускаем глаза в пол. Сердце покрывается новым слоем рубцов, поверх старых, заросших. Когда-нибудь я прекращу чувствовать эту горькую боль разочарований?

– Да, мам? – натянув улыбку как можно шире иду по узкому коридору первого этажа.

Мирра не идет следом, и я даже представить не могу, что она чувствует в эти моменты, когда вот уже год мама ее... не узнает. Ранняя деменция, которая прогрессирует каждый месяц. Один случай на миллион.

– Руслан? – повторяет, когда я подошел ближе. Ее холодные, чуть трясущиеся руки обхватывают мои щеки. – Учитель написала, что в школе сегодня холодно. Надень, пожалуйста, свитер. Не хватало еще заболеть. Ты знаешь, как папа не любит, когда ты пропускаешь учебу, – говорит медлен-

но, иногда заикаясь и словно не своим голосом. Не тем, что я пока помню.

Папа... Папа... Папа... Даже в больном состоянии она думает не о моем здоровье, а о дурацких правилах отца. Мама забыла дочь, но не забыла этого ублюдка – Эдгара Бирна.

Кладу свои ладони поверх ее.

Не знаю, что отражается в моих глазах (кроме пустоты, там ничего и не должно быть), но в груди все сдавливает от грусти и сожаления, что я уже ничем не могу помочь. Ничем.

– Мам, я окончил школу три года назад. Сейчас я учусь в Академии. Ты забыла? – как можно тише и ласковее говорю. День за днем.

В этот момент мама обычно издает женственные тягучие два смешка и прикрывает веки.

– Прости. Совсем вылетело из головы. Хорошего дня в Академии.

От мамы сбегая. Утрамбовываю внутри жалость к ней, к себе, к сестре и стремительными шагами иду по коридору, слыша в спину ненавистное мне: «Надень свитер! В школе холодно!»

Как же хочется разрушить этот мир...

– Пошли, – довольно грубо беру Мирру за руку и веду к припаркованной машине за воротами нашего поместья.

Часы бьют 6.30, когда завожу мотор и с шумом стартую.

Мирра молчит. В такие минуты слова лишние. Мы даже не переглядываемся, упаковывая воспоминания в коробки и

забрасывая их в дальний угол нашей памяти. Когда-нибудь какой-нибудь именитый психотерапевт озолотится на сеансах с нами.

Путь до Академии занимает пятнадцать минут, если не останавливаться на краю обрыва, откуда открывается вид на море и маяк, построенный еще два века назад. Обычно я делаю там минутную остановку, но сегодня нога прижимает педаль газа в пол. Мы несемся по серпантину, рискуя разбиться. И если бы не всхлипывающая Мирра, я бы...

Заняв свое место на парковке Академии, идем к столовой, не общаясь. День испорчен с раннего утра. У дверей сталкиваемся с парнями, те разглядывают приклеенные кем-то фотки. Стоят, ржут.

Только приметив безликую новенькую на фотографии, по нервам будто проходятся шершавой щеткой. Я стараюсь держать себя в руках, но от одного ее невинного вида волосы шевелятся от раздражения.

А сказанное новенькой в столовой и вовсе взбесило. «Нельзя заставить человека делать то, что тебе вздумается»... Серьезно? Еще как можно, птичка! Можно выстроить целую схему, по которой человек будет жить. Каждый его шаг, вздох, мысль будет контролироваться. Я понял это еще в детстве на своем примере, а убедился год назад, когда провел первую игру.

Игру, помогающую мне испытывать хоть какой-то интерес в этой жизни.

– Что-то она часто стала мелькать. Мелкая, но такая вездесущая, зудящая, – за спиной слышу голос Тео. Мы только что вышли из столовой. Слушать выскочку нет никакого желания.

От него я вчера узнал, что Колибри – ей подходит это прозвище – рылась в нашей раздевалке. После ее встречи с Барсом это и правда выглядит как предательство. Или чей-то план... Например, придурка Димы.

– Наказать? – протягивает те листовки, что развешаны по всей столовой. Какой идиот только додумался? На одной из подписей привлекательная фраза: *«Меня зовут Лидия Романова, и я нищая стипендиатка, которая не любит Воронов. Я – предательница и заслуживаю наказания».*

– Есть идея получше. Раз она не захотела быть невидимкой, то мы заставим. Слишком много шума эта Лидия Романова наводит своим присутствием. Пусть больше не отсвечивает, – отвечаю.

Останавливаемся у старого дуба на возвышении. С него открывается вид на вход в столовую и главный корпус – усадьбу. Слежу, как с гордо поднятой головой по гравию вышагивает Колибри.

– Давай с ней поиграем, Грех? – сквозь шелест кроны слышу низкий голос Аскольда.

Зажатые плечи, ноги-спички, волосы хоть и длинные, но вечно торчащие в разные стороны, будто непричесанные. Колибри пытается открыть тяжеленную дверь, но получает-

ся это сделать только с третьего раза. Она и правда напоминает мне маленькую, беспомощную птицу, за исключением того, что Романова – блеклое подобие.

– Рано. Разберемся пока с другим персонажем.

Отчего-то я хочу дать шанс избежать моей игры этой занудной и скучной новенькой. Благородный Бирн... Мама бы мной гордилась. Она считала, что это важное качество для мужчины. Но отчего-то вышла замуж за самого подлого и недостойного.

Глава 9. Лида

Первая пара по философии проходит в одном из самых больших залов Академии. Скорее всего, это место, где раньше проводились балы. Парты, доска и стеллажи с книгами смотрятся несуразно среди лепнины, десятков полотен и зеркал. Словно две реальности соединились.

Профессор Гольдфайн Петр Ильич – пузатый старичок маленького роста – встречает всех с улыбкой. Его костюм, словно сшитый век назад, вызывает легкое недоумение.

– Он только выглядит таким милым, – неожиданный голос Розы заставляет обернуться. – Во время экзамена Гольдфайн превращается в настоящего нациста. Так писали в группе, во всяком случае.

– Обижаешься? – подтягиваю лямку рюкзака.

Проблемно посмотреть в глаза соседки, чувствую непонятную мне вину. Хотя я бы и слова не убрала из своей громкой претензии Бирну. Парень явно избалован вниманием и чувствует себя королем. Никогда таких не понимала и не поддерживала.

– Скорее, злюсь. Сколько раз я тебя предупреждала? Ладно, – вздыхает, – пойдем, пока не заняли последнюю парту, – бесцеремонно хватает за руку и тянет туда, куда уже присели три девчонки.

Мы опоздали. Нам достается свободная первая.

Как только тетради были выложены из рюкзаков, на весь бальный зал одновременно зазвучали различные, короткие звуки оповещений на телефоны. Даже на мой, старенький и потрепанный, с одной большой трещиной на экране. От такой какофонии дурно.

«Свод новых правил», – гласит тема сообщения капслоком. Автор – Аноним.

Ну конечно! Когда все в курсе, какое имя скрывается под этим анонимом. Хочется закатить глаза.

Пробегаюсь по строчкам, и волосы на макушке встают дыбом. В грудной клетке вспыхивает пожар от злости, негодования и дурацкой обиды. Вот бы вскочить с места и крикнуть на весь зал: «Вы правда собираетесь им следовать?» Это бесчеловечно, неправильно, низко!

1. Отныне все новенькие Ададемии будут принудительно находиться на карантине, пока мы не поймем, что они безопасны и не несут угрозы нашему укладу.

2. Им запрещено посещать все мероприятия, вечеринки, закрытые общества и... заводить друзей.

3. Общение с новенькими карается незамедлительным включением в игру.

4. Конец карантина определяется индивидуально и зависит от поведения новенького».

– Что значит карантин? – поворачиваюсь к Розе. Цвет ее лица сменился на землистый, словно ее сейчас стошнит. Буквами.

– То и значит! – отвечает охрипшим голосом. – Карантин – это изоляция. Значит, все новенькие изолированы ото всех. Всеобщий байкот.

Конечно же, я знаю, что это за слово. Но мне нужно было убедиться, что я правильно все поняла. Мозг отказывается принимать странные правила как что-то логичное, разумное и адекватное. Пусть мы и учимся в старинной усадьбе, живем то в современном обществе, где придуманные Грехом правила – не что иное, как диктатура и авторитаризм. В общем, безумие!

По залу слышны шепот, возня, кто-то тупо посмеивается. На своей спине я чувствую миллионы взглядов, когда присутствующих от силы человек пятьдесят. Становится душно в большом помещении, и разряженным воздухом невозможно дышать.

– За что? – скашиваю взгляд на соседку. Та не отсела, но через силу продолжает разговаривать.

– Лучше уточнить у Греха. Ты как раз не договорила с ним в столовой, – не без едкого сарказма отвечает.

Розе страшно.

Господин Грех... Карандаш в моей руке ломается, острые грани оставляют белые неровные следы.

– Если все собрались, мы можем начинать, – профессор Гольдфайн протирает крошечные очки и обводит взглядом присутствующих.

Лекцию я не записываю. В моей голове крутится заезжен-

ная запись с правилами, и почему-то они проговариваются вслух голосом Бирна.

Неуютно проживать каждую минуту в Академии. Я не просто стала здесь лишней, я оказалась ненужной, неправильной, мешающей устоявшемуся укладу, который и не стремилась разрушать.

Мне не терпится сходить к директору и рассказать о происходящем в этих стенах, но вовремя вспоминаю, что я – нищая стипендиатка среди богатых мажоров, которые платят огромные деньги за обучение и имеют весомое слово. Да и мама... Что будет с ней?

Мой внутренний пытливый сыщик в борьбе за справедливость покрывается красными пятнами от возмущения и роптания.

В какой-то момент я обнаруживаю, что Розы со мной больше нет. Во время лекции она вышла из аудитории, и... пропала. Ее вещи остались лежать на соседней от меня парте, ручки и текстовые выделители валяются по всему столу. Она так и не вернулась в класс, а на мои вопросы никто не отвечал.

– Вы видели Розу? – ловлю какую-то девчонку у входа из аудиторию.

Молчание.

– Эй! Я не прошу со мной дружить! Я спрашиваю про вашу однокурсницу! – кричу в спину парню, вальяжно уходящему в неизвестном мне направлении.

Снова молчание. Тишина. Чей-то смех, чужие голоса.

– Хорошо, можете не говорить, напишите, укажите, где вы ее видели и все, – едва расцепив зубы, прошу.

Ответа нет. Все уткнулись в телефоны, в тетради. Кто-то разговаривает между собой. На меня не просто ноль внимания, я для них – настоящая невидимка.

Слезы сами скатываются из глаз. От уязвленности, страха и непонимания, что мне делать.

Поджав губы и закусив внутреннюю сторону щеки – не до истерики сейчас – складываю вещи в ярко-желтый рюкзак моей соседки. Она не могла исчезнуть или кинуть меня, оставив так горячо любимые ей маркеры. Скрип от них нервирует мой слух каждую пару. Все ее тетради в разноцветных росчерках и рисунках.

Во внутреннем кармане остался лежать телефон. В другом – зеркало и зеленая помада. В другой обстановке я бы поморщилась. Роза не перестает удивлять и казаться все страннее и страннее.

И, найдя в общем отделе рюкзака сложенный лист ровно с тем же планом усадьбы, что я подобрала под лавочкой в раздевалке «Воронов», шумно закрываю чужой рюкзак и, стуча пятками, те больно бьются по старинному паркету, спускаюсь к доске с расписанием.

– Где же ты, Бирн? – бегаю взглядом по всем таблицам, пока не нахожу номер его группы и аудитории. Точнее, отметку о спортзале.

Он в другом крыле усадьбы. Я на всех парах сбегая с лест-

ницы во двор, где уже зажглись фонари, и быстрым шагом дохожу до входа в небольшой спортивный комплекс. Сердце совершает смертельные кульбиты, я даже ощущаю приступы астмы, которой никогда не болела. Уж не знаю, в чем причина такого состояния: близость Греха, непонимание происходящего, желание выцарапать всем глаза...

Злость на вкус как кислотная конфета с шипучкой в центре. Язык больно щиплет.

Руслан со своей свитой метают мяч по натертому полу. Клянусь, на долю секунды показалось, что кто-то из них поскользнется, так он блеснит.

Мои шаги несмелые, но громкие, словно остальные звуки стихли.

И, конечно же, никто не обращает на меня внимания, когда все до одного видели, как я зашла.

– Где она? – спрашиваю не своим голосом. Стараюсь держаться с прямой спиной, уверенно. Все тело потряхивает, в горле пересохло.

Удар мяча по полу. Я морщусь от этого звука, будто удар пришелся на мою голову, а не на доски под ногами.

– Где Роза?

Второй удар, и мяч уверенно пролетает в корзину, ударяясь еще сильнее о пол, отскакивая в сторону. Но это уже никого не интересует.

Бирн и его свита поворачиваются ко мне, остальные присутствующие без слов покидают зал. Марионетки. Это место

все больше походит на Ад, где есть свой злодей по прозвищу Грех.

Отступаю, когда... некуда. К спине липнет блузка вместе с пиджаком. Я мечтаю слиться со стеной.

– Твоя подружка нарушила кое-что, – сухо говорит Руслан, присасываясь своим пустым взглядом к моим глазам. – Поэтому, если не хочешь, чтобы произошла беда... прими новые правила, новенькая. Не отсвечивай. Может, тогда твоя Роза и вернется к тебе.

– Где она? – кричу. Голос прорезается, и слезы бегут ручьями. Вот это смелость, Лидия! Или глупость...

Думала, парни заржут. Но нет. Ни насмешек, ни шуток, ни сострадания. Плоские лица без капли эмоций. И они где-то спрятали Розу, играют с ней. Что это за игры вообще такие?

Переглянувшись, свита во главе с Грехом разворачиваются, и их тренировка продолжается. Нашего короткого разговора как не было. И меня тоже не было...

Роза не приходит ночевать, утром я тоже не обнаруживаю ее: ни в общежитии, ни в столовой, ни на одной из лекций...

Глава 10. Лида

Роза объявляется внезапно.

В одну из самых мерзких погод на побережье, когда ветер сносит с ног, а на море шторм в десять баллов. Дверь в зал библиотеки во время лекции по латыни открывается с грохотом, и заходит она... Моя соседка.

На ней та же форма, что и была в день исчезновения. Отличается только макияж. Точнее, полное его отсутствие, поэтому Розу не узнать с первого взгляда.

Она садится как ни в чем ни бывало рядом со мной, достает из нового рюкзака тетради, фломастеры, цветные ручки и с кукольной улыбкой обращается к Чацкому:

– Прошу прощения, Корней Эммануилович, возникли неотложные дела.

Если я смотрю на Розу с огромным удивлением в глазах, то остальные будто ничего и не заметили. Как будто здесь, в Академии, так заведено: пропадать на несколько дней без предупреждения и появляться так же внезапно. «Пшик» – нет человека, снова «пшик» – и вот он ровно складывает руки одна на другую и переводит на тебя вопросительный взгляд.

– Что? – спрашивает с наездом. Белки ее глаз в красную сосудистую сеточку. Плакала? Плохо спала?

Я же ноги стерла в поисках соседки. Прочесала каждый

уголок усадьбы, заглянула во все строения, столовую, даже физкультурный комплекс осмотрела с подвала до самой крыши. За такое меня могли и отчислить. А она...

– Слава богу, что ты жива, Роза, – с той же интонацией отвечаю и поворачиваюсь к Корнею. Он смотрит на нас обеих с неприкрытым любопытством.

– Пф-ф-ф... Ты перечитала своих детективов, новенькая?

Челюсть напрягается. Ее «новенькая» прозвучало оскорбительно, когда в самом слове нет ничего такого, что может обидеть взрослого, адекватного человека. Коим я, получается, не являюсь. Ведь мне до боли в животе обидно.

– Или ты думала, мое бездыханное тело валяется где-то в подсобке со старыми швабрами и ведрами? – ее смешок и смешки других девчонок курса заставляют напомнить о том, что я не просто новенькая, а та, кому объявили бойкот. Все эти дни никто из студентов так и не осмелился заговорить со мной.

– Я счастлив, что вы вовремя присоединились к нашим занятиям, мадемуазель Ланцет. Но позвольте, я продолжу? – спустив очки на нос, Чацкий улыбается и обращается к Розе.

– Да, конечно, – на ее бледном лице появляется стеснительный румянец.

Все, что Корней рассказывал до эпичного появления моей пропавшей соседки, вылетает из головы напрочь. Я смотрю на преподавателя, на то, как двигаются его губы, когда он объясняет материал, и... ничего не слышу. Все заглушается

отчаянными ударами сердца и шумом в ушах.

— Где ты была? — спрашиваю надломленно, вкладывая все прожитые переживания. Я была уверена, что на самом деле найду ее бездыханное тело.

А вдруг и правда стоит завязывать с чтением детективов?

Роза вздыхает и закатывает глаза.

— Позвонила мама, сказала, что они с папой приехали всего на пару дней. Я сломя голову и побежала на встречу. Кстати, ты же забрала мой рюкзак у нациста? А маркеры? — холод ее руки, которой она схватила меня за локоть, пробирает до локтевой кости.

— А план усадьбы? Я нашла его, — останавливаю сама себя.

— И Бирн сказал...

— Он пошутил. Зачем я ему? Реально, заканчивай с чтением детективов, соседка, — перебивает и цыкает, чтобы я прекратила свои расспросы.

Голова трещит. Слуха касается шелест бумаг, скрип мела по доске, музыкальный голос профессора Чацкого и влюбленные вздохи девчонок за соседней партой.

Я в безрезультатной попытке вынырываю из воспоминаний прошедших дней и все равно не улавливаю сути происходящего.

Все же, зачем Розе план усадьбы? Ровно такой же чертеж, как на копии из раздевалки «Воронов»?

Открыв учебник на нужной странице, погружаюсь в материал. Ни одно правило не закрепляется в голове. Мысли во-

рочаются только вокруг исчезновения мадемуазель Ланцет и ее странного оправдания. Да, Роза тоже олицетворение всего странного и непонятного, но чтобы так внезапно пропасть из-за приезда родителей? Да и Грех точно не тянет на звание «шутника года».

– ...И всех приглашаю на дополнительные занятия по латыни. Сегодня вечером, здесь же, – проморгав, замечаю, как добрая половина группы уже встала и собирает вещи. Лекция окончена.

Роза не спешит.

– Вам, как стипендиатке, я советую не игнорировать такую возможность, – Корней подошел критически близко к моей парте. Так, чтобы его слова долетали только до меня. Ну, и до Розы.

Кивнув, закидываю наспех учебник и тетради. Выйдя из библиотеки, ускоряю свой шаг, но продолжаю чувствовать настойчивость новой подруги за спиной.

– Мои родители приезжают редко. Это второй раз за два года, – кричит.

Мы уже на улице, и ветер здесь перекрывает голоса. Деревья шатаются, рискуя сломаться и упасть прямо на головы студентов. Разгулявшаяся фантазия именно так все и видит.

Останавливаюсь посередине лужайки. Пройди я еще столько же, оказалась бы у высоких ворот, через которые уже виден крутой обрыв.

– Поэтому мне было плевать на вещи, я вскочила, и... убе-

жала.

Медленно разворачиваюсь. Порыв ветра бьет в лицо. Непослушные пряди режут картинку перед глазами, но я четко вижу крупные слезы на бледном лице Ланцет.

Мне не понять Розу, но, чувствуется, что этот внезапный приезд многое для нее значил. Мы же с мамой надолго никогда не разлучались.

– Прости. Этого больше не повторится. Я не привыкла, что за меня кто-то переживает. И было... плевать, думаешь ты обо мне или нет.

Листья под ногами выются маленькими смерчами, поднимая в воздух запах приближающейся осени.

– На латынь пойдешь со мной? – делаю шаг к примирению.

Роза расцветает. Наконец-то ее побелевшее лицо приобретает пусть скромный, но окрас.

– Конечно. Как можно пропустить занятия Корнея Чацкого. Ты же в курсе, что в конце лекции он угощает чаем и пирожными?

Несмотря на вопрос, я не утруждаю себя ответом. Лишь закатываю глаза, как это делала сумасбродная Роза. Именно такой теперь и видится мне новая подруга.

Глава 11. Лида

Дополнительные занятия по латыни начинаются в восемь вечера, когда в главном корпусе усадьбы не осталось ни души. Ну, кроме самого Корнея Эммануиловича. Спустя минут десять коридоры вместе с залом библиотеки наполняются девчачьими трелями.

– Так и знала, надо было надеть что-то другое, – Роза бросает в меня едкий взгляд, обвиняя без слов.

Можно подумать, это моя идея остаться в учебной форме Академии. У меня, кроме нее, разве что джинсы и водолазка. Но идти в них на занятие не позволила бы совесть. Заметь меня в таком виде мама, пришлось бы слушать совсем другую лекцию.

– Это учеба, – отбиваюсь от ее нападков как могу.

– Ты такая зануда, новенькая!

Девчонки пришли в платьях. Юбки одна короче другой. Декольте такой глубины, что у меня волосы встают дыбом. Ну и каблуки. Куда ж без них.

Отдаю должное Чацкому. Он не обращает на этот цирк никакого внимания и соблюдает дистанцию «преподаватель – студент» на высоте. В моих глазах Корней не теряет уважения, и хочется вдруг доказать, что наряд не прибавляет ума, хотя я не наблюдала за собой склонности поучать кого-то... До недавнего времени.

– Скажу сразу, в столовой мне выделили всего пятнадцать чашек, а в буфете я закупил лишь пятнадцать пирожных, – потирает ладони и надевает очки.

– Надеюсь, эти пирожные стоят часа мучений гребаной латыни, – шепчет Роза. – Терпеть ее не могу.

Несмотря на мужскую красоту профессора, в середине дополнительного занятия становится неимоверно скучно. Сидя на все той же первой парте, сложно сохранять заинтересованный вид. Дважды у меня вырывается зевок, а с самой дальней парты в моменты тишины мы слышим... похрапывание.

Часы бьют девять, когда Чацкий, сняв очки, объявляет о завершении лекции и просит помочь ему принести угощение.

– Вас, Лидия, я попрошу разнести книги по стеллажам, – и передает целую стопку книг.

«*Lingua Latina*», – читаю на одном.

И когда ставлю на полку последнюю книгу, взглядом цепляюсь за яркий корешок среди тысячи серых и потрескавшихся. Их страницы пожелтели, запах старости въедается в ноздри.

А яркость неизвестной книги так и манит, чтобы ее взяли в руки.

– Очевидно, кто-то очень спешил убратся из библиотеки, что даже не подумал вернуть книгу на правильное место, – говорю, как моя мама.

И она же просила меня не искать приключений и проблем. Не такая уж я и послушная дочь, получается.

Беру книгу за корешок и тяну на себя.

«Сто великих жсеницн. Автор Гертруда О'Брайен».

– Хм... – открываю, и в руки падают несколько бумаг и фотографий.

Спускаюсь по лесенке и быстро перебираю найденное. Оглядываюсь.

В груди надувается пузырь, и он разрастается по мере того, как мой взгляд бежит по строчкам:

«Внимание!

Пропала девушка Юсупова Стелла, 19 лет. Студентка второго курса Академии Рейвенс. Была одета в учебную форму (черная юбка, блузка, пиджак). Волосы светлые, глаза голубые. Рост 1.70. Последний раз была замечена у входа в лес. Если вы видели эту девушку или знаете о ее местоположении, прошу связаться по телефону...»

Девушка красивая. Фотография официальная, может, из личного дела. В общем, там, где красивой фотки не должно было получиться в принципе. А у Стеллы получилось. И легкая загадочная улыбка.

– Это Стелла. Она пропала год назад, – от голоса Розы пугаюсь, все бумаги снова падают.

– И не нашлась?

По спине бежит могильный холод, пробирающий до костей, забираясь в самую глубь тела.

– Нет.

После такой новости на душе беспокойно. Это место – я очерчиваю взглядом наполненные книгами стеллажи – хранит в себе столько тайн, зла и проблем, что можно задохнуться. Где-то в центре библиотеки продолжается жизнь с пирожными, чаем и красивым профессором латыни во главе, а у этой девушки с объявления она, вполне возможно, оборвалась. Или Стелла Юсупова стала жертвой чьей-то жестокой игры.

Достаю телефон, чтобы посмотреть в интернете про Стеллу, но Роза вырывает у меня и шипит, точно змея перед нападением.

– Не делай. Не лезь в это дело!

– Что на этот раз? – меня порядком уже бесят такие предупреждения. Не Ададемия, а лагерь для преступников со своими законами и распорядками.

– Это... девушка Греха. Любимая. Если будешь копаться в этом деле, разозлишь его еще больше, разве не ясно? Стелла – табу для всех.

Опускаю глаза на фотографию, поднимаю их на Розу и веду вдоль длинного стеллажа с сотнями книг, где среди многих я наткнулась именно на эту, откуда выпали спрятанные кем-то бумаги. Я! Ни Роза, ни кто-то из группы...

– Хорошо, – успокаиваю соседку, и пока та уходит, прячу находку за пояс юбки. Книгу ставлю туда, откуда и взяла. Не я ее ставила, не мне и переставлять. Убрав все следы,

возвращаюсь к столам.

Мой телефон...

Как громом пораженная останавливаюсь. Роза убежала на встречу с родителями, оставив телефон в рюкзаке. Но разве современная девушка, такая, как моя соседка, не вернется за ним? Несколько дней без телефона... Даже для меня это выглядит чем-то в корне нелогичным.

Пять дней назад

Роза

Открываю рюкзак и начинаю вытаскивать оттуда бесчисленное количество маркеров. Ну конечно, одного не хватает: лавандовый цвет с ароматов лаванды. Мой любимый. И куда он мог запропасться?!

Коротышка преподаватель по философии вглядывается в нас. Наверное, пересчитывает присутствующих на немецком.

Eins, zwei, drei, vier, fünf, sechs... Нацист проклятый. У него на лбу так и искрится: «Arbeit macht frei»*.

Прикрыв ладонью губы, смеюсь. Новенькая думает, что я слегка того! Все так думают.

О, нашла свой лавандовый маркер, и...

Раскрываю незнакомый лист и вижу схему усадьбы. Сразу понимаю, что это она, хоть кто-то очень умный для глупой меня и подписал. В одном из помещений крошечный крестик, нарисованный обычной ручкой. И стикер с...

Я в игре. Символ мишени: две окружности, четыре попе-

речные линии и точка в самом центре.

Черт!

Пот заструился по спине, выжимая соки и силы. Жар от переживаемого ужаса пуляет в голову по позвоночнику и остается гудеть под костью черепа. Не Роза, а пузатый чайник на газу. Вот-вот вся жидкость в моем организме испарится.

Отказаться нельзя, сбежать бесполезно, рассказать кому-то? Да кто поможет?! Они все замешаны в этом. Все-все!

Стараюсь незаметно выйти из аудитории, слыша уверенное: «minus eins» скрипящим тихим голосом. Добираюсь на плохо слушающихся ногах до отмеченного помещения. Это некогда заколоченный кабинет. Раньше здесь было что-то вроде лаборатории по химии, но когда Академия перепрофилировалась в гуманитарное учреждение, ее поспешно прикрыли.

Открываю со скрипом дверь и оказываюсь в плену голубых глаз. От них не исходит свет, им не тянет доверять. Скорее, хочется укутаться и отвернуться. Морозный воздух накачивается в старый кабинет до самого потолка, и мое дыхание сокращается.

Страшно.

– Поиграем? – раздается за спиной. Но повернуться не успеваю. Моего носа касается влажная тряпка, пахнувшая противными медикаментами. Я падаю, на голову опускается тяжелый сон без сновидений.

*с нем.— «труд освобождает» — Фраза на воротах в концлагере Освенцима

Глава 12. Лида

Перед сном открываю поисковик и вбиваю «*Стелла Юсупова, Академия Рейвенс*». Утомительное ожидание награждает меня кучей всевозможных ссылок. Глаза разбегаются от манящих заголовков. Кликаю на первый.

Лучшая ученица, единственная наследница многомиллионного состояния, праправнучка князя Юсупова, Королева красоты, волонтер, член команды помощи девушкам, попавшим в беду...

...Участница ежегодного благотворительного бала, победительница многочисленных олимпиад по... да по всем предметам. И еще много-много всякого, от чего возникает мой первый вопрос – и она была с Русланом Бирном? То есть не просто была, а являлась его девушкой? Любовь-морковь и все такое? Так и чешется на языке всем знакомое: «Не верю!».

Добро не любит зло, оно его побеждает.

Открыв вкладку «*Картинки*», натываюсь на множество портретов Стеллы, фотографий из соцсетей, есть несколько эпизодов из Академии. На всех девушка улыбается той самой улыбкой, что *напечатана* на объявлении об исчезновении. Кажется, Стелла и не умела грустить вовсе.

Но что-то в ее жизни произошло, отчего сейчас ее нет в этом заведении.

Следующая статья – видео-интервью. Я узнаю стены Академии и самый большой зал усадьбы. Стелла выглядит превосходно. Светлые волосы забраны в высокую прическу, золотое платье открывает длинную шею. Ее глаза светло-голубого цвета, как чистые бриллианты. Девушка улыбается, и через экран ощущается ее уверенность в себе. Стелла прекрасно понимает, какой силой и красотой обладает.

Стоящий рядом Бирн смотрит точно вырезанный и приклеенный из другой пленки. Хотя...

Смеюсь от своих мыслей и наблюдений.

Руслан улыбается, когда смотрит на свою девушку. Он выглядит счастливым. Совсем не Грех.

– Вы – Король и Королева Академии уже второй год. Являетесь парой, которой все подражают, и каждый мечтает оказаться на вашем месте. Что вы чувствуете? – спрашивает незнакомый женский голос по ту сторону камеры.

– Я счастлива. Мы с Русланом с детства вместе. И так получилось, что полюбили друг друга. Разве это не прекрасно, когда близкий и родной тебе человек признается в чувствах? Вы строите планы на будущее, делитесь мечтами...

Пока Стелла говорит, Бирн не отводит от нее своих глаз. Если это и игра, то я бы вручила ему «Оскар», не задумываясь.

– Поделитесь своими планами? Вы – представители двух семей, имеющих огромный вес в истории нашей страны. Значит ли это, что речь идет об объединении?

– Для начала мы хотели бы окончить Академию, – обтекаемо отвечает Бирн. Его голос тоже другой, и я бы не узнала в нем Греха, если бы мне закрыли глаза и включили эту запись.

Вот это трансформация!

Запись заканчивается. Улыбающаяся Стелла не собирается уходить, и ее образ остается гореть перед глазами. А потом встает картинка объявления, и тихий голос нашептывает написанные на нем слова.

Говорят, при пропаже людей очень важны первые сутки. Дальше шансы найти человека живым сокращаются день за днем. Стеллы Юсуповой нет в Академии уже год.

Холодок распускается по спине. Температура в комнате понижается на несколько градусов, словно кто-то открыл настежь окно, и ночная прохлада вытеснила тепло.

Роза в душе. Поэтому я достаю альбомные листы и крупными печатными буквами пишу имя Стеллы сверху. Дальше имя Греха – Руслан. Рисую Академию, выписываю то, что прочитала в статьях. К листу прикрепляю выпавшие вместе с объявлением фотографии: Стелла на физкультуре в форме, с подругами в обнимку, они же и довели меня до столовой в первый учебный день, последняя фотография – Стелла и Рус. Это их первый год в Академии.

В правом углу пишу имена парней из свиты, а справа – «Игра» и три вопросительных знака. Чувствую, что это как-то связано.

— Что делаешь? — не услышала, как Роза вышла из ванной. Быстро убираю все бумаги под подушку.

— Готовлюсь к завтрашним парам, — отвечаю, кружа взглядом по полу.

— Я спать, — перебивает и тянется к выключателю.

Успеваю заметить ноги Розы, покрытые синяками. Открываю рот, чтобы спросить об этом? Как она объяснит такое количество сине-фиолетовых пятен после встречи с родителями? Но соседка ныряет под одеяло, отворачивается к стене, а я решаю не вмешиваться, полная уверенности в том, что ее ответы в любом случае будут далеки от правды.

* * *

Я ненавижу физкультуру.

Так бы я начала, если бы меня попросили написать сочинение о себе.

Не-на-ви-жу! И все, что с ней связано: форма, мячи, правильное дыхание, даже йога и гимнастика. Но Академия Рейвенс заботится о своих студентах, поэтому в моем расписании аж три пары занятий в неделю. И сейчас, одетая в спортивный костюм с логотипом «воронов», я стою в начале беговой дорожки, которая проходит через лес до самого обрыва.

Цель: пробежать и вернуться к концу пары. Целых десять километров!

Я смотрю на Розу, которая просит ускориться, и не могу сказать и слова из-за прилепленного к небу языка. В горле

дерет, и сглатывание слюны причиняет лютый дискомфорт.

– Ты так утянешь меня на дно таблицы, – ворчит. Я вижу, как ей хочется оставить меня здесь. Надеюсь, не умирать?

– Из-за бега? – хриплю в ответ.

Роза закатывает глаза и смотрит на часы.

– Кстати, как учитель поймет, что я добежала, а не укрылась под кустом и не вынырнула перед самым концом пары? – сажусь на бордюр и изучаю выложенные специальным покрытием дорожки. Кое-где к ним прилипли опавшие листья и зеленая хвоя.

– Никак. Тебя просто сдадут твои же однокурсники, Лида, – легко и просто говорит, упирая руки в бока.

Ададемия. Точно...

– Ты, например?

Ее молчание вызывает покалывание под ребрами. Роза не смотрит в глаза и делает вид, что не расслышала вопроса.

– Как хочешь, я побежала. Не хочу быть последней и стать предметом очередных насмешек.

И вижу удаляющийся силуэт моей соседки. Следом... тишина. Густой сумрачный лес скручивается вокруг меня, и вместо живительного кислорода я вдыхаю горький газ.

Каждый шорох щекочет нервы. Я, как трусливый зайчишка, подпрыгиваю от шелеста листвы.

– Ленивых здесь не любят. Барсов тебе это не сказал? – взвизгиваю, когда слышу чужой голос за спиной. Не просто за спиной, а в черноте леса.

Руслан Бирн выходит на едва пробивающийся через кроны свет, со мной не здоровается. Его взгляд оседает на корявых ветвях над моей головой. Может показаться, что Грех разговаривает сам с собой, и точно не обращается ко мне – к невидимке, как он сам меня и нарек.

– Почему? – спрашиваю и начинаю заламывать пальцы. Его глаза – копии дула пистолета. И я – цель.

– Почему что? Почему здесь не любят ленивых?

– Почему ты со мной заговорил именно сейчас?

– Потому что я сам решаю, когда, где и с кем говорить, – задумчивый взгляд сменяется равнодушно-скупающим.

Распахиваю глаза и резко выдыхаю. Вот это наглость! Так и вижу, как ногтями вцепляюсь в лицо Бирна и оставляю глубокие борозды. Да, мое воображение очень богатое, ну а ногтей нет.

– Что с тобой не так? В детстве выпил зелье эгоистичного подонка?

Его глаза вспыхивают яркой злобой. Она откидывает меня назад высокой удушающей волной.

– Смелая? Или глупая? Скорее второе, – оценивающе оглядывает, отталкивается плечом от ствола дерева и тихими шагами – как такое возможно, когда под ногами тонна листьев и веток? – подходит ближе.

Меня накрывает ароматом мужского одеколona. Черные волосы парня лежат в искусственном беспорядке, светлая кожа контрастирует со всем: одежда, глаза, те же волосы.

Грех... красив. И будь передо мной копия того Руслана Бирна, что я видела вчера на экране, то он мог бы мне и понравиться.

Но я вовремя вспоминаю, что два дня назад меня вытаскивали из очереди в столовой, словно я мешок с мукой. Вчера перед носом закрыли главную дверь на замок, и я не могла зайти в Академию. Опоздала на философию и получила пометку в записях нациста-Гольдфайна. Еще вечные толчки в спину, подножки и полное игнорирование, когда я к кому-то обращаюсь. Даже преподаватели смотрят косо. Кроме Чацкого.

Все это с подачи и одобрения Бирна. Нет, такой не может нравиться, не может вызывать симпатию даже размером с ушко иголки.

Телефон в кармане Руслана начинает вибрировать.

– Не выбивайся из правил, новенькая. Беги до конца и возвращайся. Повторю, Академия не любит ленивых. И глупых.

На звонок Бирн тоже отвечает без приветствий.

От всего нашего короткого разговора у меня потеют ладони, и жар кусает ноги подобно стервятнику. Я пачусь к беговой дорожке, мечтая сказать что-то такое емкое, важное, колкое в ответ на его предупреждения, вопросы и поведение.

– С ней ты выглядел другим, Бирн! Похожим на человека! – кричу.

Соберись, Лида!

– А сейчас превратился в...

– В кого? – его тяжелые шаги звучат в моих ушах ударами тяжелого молота. От каждого я дергаюсь.

В этот момент будто наступила ночь. Или солнечное затмение заглушило все светлое, что есть на земле. Нет и крошечной тени под огромными деревьями.

Прижав сумочку с телефоном к груди, срываюсь на бег в том темпе, в котором никогда не бежала в жизни. Останавливаюсь уже у обрыва, где лес, как и беговая дорожка, заканчиваются.

Я готова выплюнуть внутренние органы. Воздух выжигает легкие, перед глазами тучи искр – навязчивые мушки.

Оборачиваюсь, Бирна нет. Осталось вернуться на исходную, желательно живой. Такой, как Грех, может уничтожить и убить. Не он ли и избавился от своей девушки – Стеллы Юсуповой?

Вечером обвожу имя Руслана в красный овал и ставлю знак вопроса напротив.

Глава 13. Лида

– Ты, я смотрю, не оставила идею.

Захлопываю учебник, внутри которого мои записи по теме *«Кто такая Стелла Юсупова»*.

В библиотеке довольно тихо. Вместо обеда я решила пойти позаниматься сюда. В столовой насмешек и толчков в спину больше обычного. Эти студенты соблюдают дурацкие правила Греха беспрекословно. Одна Роза будто бы не боится наказания за нарушение.

– Мне всего лишь любопытно, – отвечаю, погружаясь в дебри философии, когда мысли крутятся вокруг загадочной фигуры Стеллы.

– А любопытство не порок... Да-да. Только не забывай, кто она. У Греха на эту тему пунктик. Никто не смеет даже имени ее произносить. Он ее типа боготворил.

– Судя по ее жизни, Стелла была идеальной девушкой.

– Была? Думаешь, она... Того?

Оборачиваюсь и смотрю по сторонам. Мы ничего запрещенного не обсуждаем, но все же хочется перейти на еще более тихий шепот. Тема вдруг и правда начала казаться жестким табу. Идеальная студентка и таинственное исчезновение... Но, вытряхнув из головы этот навязанный бред, отвечаю уверенно и громко.

– Согласно статистике, если пропавшего не нашли в те-

чение трех суток, то вероятность нахождения его живым сокращается на восемьдесят, а то и девяносто процентов. И если человек все же жив, так или иначе, он оставляет следы своего пребывания. Этот человек обязательно где-нибудь засветится. А в случае со Стеллой... — я замолкаю.

— Все равно зря ты копаешься в этом.

Ее долгий взгляд не устает прожигать мою правую часть лица насквозь. Неуютно под ним и хочется смахнуть навязанные ощущения.

— Ла-адно, ты точно в столовую не пойдешь? Осталось пятнадцать минут. Хочу перехватить хоть булочку, — с напускной легкостью говорит моя соседка.

— Нет, — отвечаю.

Роза достает из рюкзака голубые кремовые тени и пальцем наносит их на губы. С ярко-желтыми массивными серьгами и тремя малиновыми перьями на голове это смотрится крайне нелепо. Хорошо, что в Академии введена форма, иначе от образов моей соседки я бы получила ожог роговицы, так она любит все эти кислотно-яркие цвета.

Сложив учебники, которые она даже не открывала, Роза встает со стула. До меня доносятся тихие напевы какой-то совсем незнакомой мне песни. Но настроение соседки вмиг меняется, когда вместо того, чтобы уйти, она разворачивается и переминается с ноги на ногу. Эта неуверенная поза напоминает мне ту Розу, что объяснялась со мной возле обрыва после ее пятидневного отсутствия.

У меня уже голова разрывается от того, какой разной может быть эта девчонка.

— Я не была знакома со Стеллой лично. Сама видишь, меня в этом месте тоже не жалуют. Но то, что написано в тех статьях — правда. Нет никого, кто бы хоть как-то не любил ее. Наверное, только таких и любят, — поведя плечом, Роза накидывает на себя очередную маску равнодушия и, послав воздушный поцелуй, уходит.

Дверь в библиотеку хлопает, и наступает такая тишина, что первое эхо разобьет вселенную, как мыльный пузырь. Неприятный холодок тянется из приоткрытого окна по щиколоткам.

Дверь хлопает во второй раз. Два поворота ключа отрезвляют так, что будучи мертвой, я восстала бы в сию же секунду от страха. Даже сглотнуть боюсь. В животе разрастается тревога размером со скалу. И тяжесть у нее такая же, как у бездушной глыбы.

— Уверен, что никого? — шепот едва знаком.

— Кто в своем уме в обед будет просиживать в библиотеке? Еще и когда в столовой приготовили яблочный штрудель.

Холодными пальцами я беру учебник по философии с досье на Стеллу и крадусь к окну. Плевать на конспекты, когда приключения в очередной раз клюют в пятую точку.

Кажется, что шорох чужих ног окружает.

— Готово, — слышу совсем рядом. За спиной.

Сердце выдает меня своими оглушающими ударами. Цер-

ковный колокол звучит тише, чем важная мышца в моем постоянно ищущем проблемы теле.

– Красава! – голос уже слышится громче. Очевидно эти... сколько их? Решили, что они правда в библиотеке одни. Про невидимку совсем никто не подумал...

– Я же говорил, легче легкого. В личные дела никто каждый день не лезет, а когда полезет и найдет подмену, будет уже поздно.

– И за угон автобуса Академии... О, помнишь, как мы отключали электричество, когда играли с этим... как его? Было очень классно.

– Потому что они все у меня на крючке, Тео, – равнодушно-холодно отвечает. – Никто и слова мне не скажет. За красивыми фасадами столько тайн и грязных секретов скрывается!

Так и вижу высокомерную ухмылку подонка Бирна. Они и правда здесь вроде королей, раз все все знают об их бесчинствах, но... молчат? В эту минуту я душу всеми силами свое чувство справедливости. Если оно хоть пикнет, нам конец.

– Там еще появилось личное дело новенькой. Достать? – спрашивает тот, первый, голос.

Ответа нет, но доносится знакомое:

– Проблемная она, – говорит Грех, и в этом я с ним согласна. – Лучше бы сидела в своей столице и не совалась сюда. С первого ее дня, она как иголка, ищущая свою нитку повсюду.

– Философски.

– А по-моему, ты загнался.

Тихо переставляя обездвиженные от страха ноги, пробираюсь за соседний стеллаж подальше от Греха. Надо забиться в самый дальний угол и ждать. Они же не будут торчать здесь вечно в закрытой библиотеке? Следующая пара через минут пятнадцать.

Но я цепляюсь ногой за выступ. С языка слетает тихое «черт», но мой голос долетает до слоев атмосферы.

Успеваю набрать воздуха в грудь, как передо мной оказывается тот, от кого тяжесть в животе становится неподъемной.

– И снова ты... – намертво пригвозждает своими глазами к стеллажу с книгами. – Подслушиваешь.

Книга, где спрятаны все мои записи, падает. Бумаги рассыпаются. Я все это вижу боковым зрением, потому что отвести взгляд от Бирна физически не получается.

Но Руслан делает это первым: отводит глаза и сразу видит объявление о пропаже Стеллы.

Его лицо меняется до неузнаваемости. Он превращается в злобного и опасного дракона, который выдыхает чистый огонь. Вспышки долетают до моих щек и беспощадно жалят.

Я неподвижно стою на мысочках, руками зацепившись за деревянные перегородки стеллажа.

Руслан наклоняется к упавшим бумагам и долго перебирает их, рассматривает. Там мои записи, распечатанные интер-

вью, даже есть фотографии дома Стеллы. Не знаю зачем, но решила *пришить к делу*.

– Сочувствую твоей потере, Руслан, – говорю искренне. Я также убеждена в том, что исчезновение Юсуповой повлияло на то, каким стал Бирн. А причастен он к этому или нет, только предстоит узнать.

– Кто ты такая? – говорит озлобленно тихо. – Кто. Ты. Такая? Что лезешь не в свое дело?

Мотаю головой из стороны в сторону. А если он не отпустит, пока не получит ответ на непонятный для меня вопрос?

– Тебя взяли на *ее* место, чернь. И уже в первый свой день ты подслушиваешь разговор не для твоих ушей, потом начинаешь рыться там, где тебе не место, – грубит так, что я задыхаюсь. – Тебе сказали сидеть тихо, но ты не понимаешь и все равно лезешь.

Руслан говорит это все мне в лицо, встав близко-близко. Его глаза заливают чернотой от гнева, а губы превращаются в ниточки. Белая кожа стала еще на пару тонов светлее. От него пахнет... морозным ночным лесом.

– Больно... – Руслан крепко схватил меня за запястье, но я поняла это, только когда пальцы начали неметь.

Он отступает, пошатываясь.

– Думаю, тебе пора преподать урок. А нам выяснить о тебе чуть больше... Может, ты и не так проста, как хочешь казаться.

Парни из свиты посмеиваются.

– Преподать урок за то, что ищу информацию? Это не воз-
бра...

– Ты успела многое узнать из того, что тебя не касается, а не отсвечивать не получается. Ты – ходячая настырная проблема, невидимка.

И, достав из своего рюкзака черный маркер, берет с пола объявление Стеллы, переворачивает и рисует круги с поперечными линиями. Рисунок похож на мишень. Бирн плюет на лицевую сторону и лепит лист мне на пиджак.

Это было... бесчеловечно и по отношению к Стелле, и ко мне.

Кто-то из свиты, кажется, Тео, посвистывает от удивления. Голос слева, принадлежащий самому светлому из всех (я про волосы) а не про душу, если что, добавляет:

– Ты попала, малыш. Грех очень разозлился.

Полтора года назад

Стелла

Смотрю, как *он* общается с какой-то девчонкой, и меня скручивает ревностью. Я представляю, как несусь со всех ног и сворачиваю ей шею. Голова отлетает, а мои глаза с гневом впиваются в шикарное тело, которое только мое и ничье больше.

Понимаю, что надо заканчивать пялиться, но взгляд прибит к этой паре.

– Так это правда? – Тина, моя подружка, пересматривает интервью с Бирном по сотому разу. Находит нас великолеп-

ными, когда меня тянет вытошнить весь свой обед.

Я вру. Никакая она не подружка. У меня вообще нет подруг, и я не знаю, как правильно дружить. Ведь все и всегда были как будто бы меня не достойны.

Пока я не встретила его... Невинные взгляды, случайная чашка кофе, разговоры о важном и вечном. Первый раз я поняла, что не просто влюбилась, а полюбила. По-большому втрескалась.

– Ты и Руслан поженитесь? Вся Академия трубит об этом.

Сжимаю челюсти до хруста. Я и Бирн? Мир сошел с ума. Руслан – мальчишка, и в нем нет и сотой доли того благородства, ума и мужественности, как у *него*.

– Прямым текстом мы об этом никому не говорим. Сама понимаешь, третий курс. Впереди еще много нужно сделать. Например, окончить Академию.

Мой мужчина, почувствовав, что я наблюдаю за ним, бросает короткий взгляд и тут же уводит его. В душе кричу рассерженной гарпией.

– Все за вас очень рады.

– Да-да...

Я даже ленюсь играть. Да и по правде говоря, устала от этого спектакля. Но *он* сказал, что рано. А я неустанно вижу желанный конец пьесы: все получают по заслугам, а я сбегая с тем, кого люблю больше жизни.

Глава 14. Лида

В первый свой выходной в Академии встречаюсь с мамой. Мы практически не виделись все это время. Несмотря на то, что скучала, жить в разных корпусах и не пересекаться на лекциях, сейчас лучше всего для нас обеих. Не хочется, чтобы кто-то из студентов знал о нашем родстве. Вдруг в голову Бирна придет натравить учеников на нового преподавателя из-за меня? Этот мажор напрочь лишен моральных принципов.

Наш завтрак с мамой проходит в центре города. Рано утром мы проснулись и доехали на первом рейсовом автобусе. Мы проезжали по серпантину вдоль уже пожелтевших деревьев с багряной кроной и любовались синей гладью моря, пока автобус не высадил нас в историческом центре.

– Я слышала в кураторской, как профессор Чацкий лестно о тебе отзывался, – говорит мама, поднося большую чашку какао ко рту.

– Он довольно лояльный ко всем. Мне так кажется. В отличие от Гольдфайна, – фамилию на первый взгляд добродушного нациста произношу шипя.

– Лидия, когда ученик слушает, выполняет все задания и вовремя сдает работы, у него не может быть проблем ни с одним из преподавателей. Нет такого понятия, как «любимчики».

До чего же правильная у меня мама. Если до ее ушей и долетит тот факт, что у Ададемии, оказывается, есть свой свод правил имени Бирна, то она просто посмеется и окрестит это шуткой. Не поверит, потому что так быть не может в ее представлении о жизни.

Мы выбрали столик на улице, чтобы вживую полюбоваться центральными мощеными улицами. Слева от нас старинный магазин часов. Там даже висит специальная табличка, и дом этот, как и сама мастерская, передается из поколения в поколение. Вниз по улице пекарня. Оттуда исходит сдобный, ванильный аромат, от которого слюнки готовы стекать по подбородку.

Кафе, куда забрели мы, находится по соседству с цветочным магазином. Поэтому запах кофе смешивается с нежными нотами жасмина, лаванды и роз.

– Мам, ты же преподаешь у третьего курса, так? – начинаю издалека. Вопрос крутится в голове с того дня, как я написала крупными буквами имя пропавшей девушки в своих тайных записях.

Вдруг что-то объемное и горячее толкается в спину. Чей-то осязаемый взгляд останавливается на моих лопатках и плечах. Я неуютно подергиваюсь, пытаюсь смахнуть ощущения, как пыль.

Оборачиваюсь, но ничего, кроме гуляющих людей, не вижу. В уме прокручиваю варианты, кто же может за мной следить, и лихорадочно перебираю ответы.

– Как тебе Руслан Бирн? – спрашиваю и поддаюсь вперед.

Мама помешивает какао, не замечая надоедливых взглядов, потом отпивает и равнодушно ведет плечами, за которые так и хочется потрясти для скорого ответа.

– Обычный мальчик.

Вместо внезапного смешка с губ срывает хрюкающий звук. Мальчик?

– Умный, ответственный, трудолюбивый, – продолжает, не видя моего изумления. – Всегда поможет и подскажет. Я же тоже новенькая в Академии, как и ты. Хороший, в общем. А почему ты спрашиваешь?

– Да так. Но ты будь осторожна с ним, ладно?

Мама хмурится. Отставляет свою чашку и складывает ладони одна на другую.

Вновь оборачиваюсь. Теперь взгляд прожигает мой затылок. Кто-то будто смотрит издалека, наблюдает. Стоит ли видеть в этом угрозу?

– Ты же не ввязалась ни в какую историю, Лидия?

– Нет, что ты, мам?

Успеваю скрестить пальцы под столом. Долгий взгляд мамы не выдерживаю и отворачиваюсь. Все-таки вранье – не самая приятная вещь, и теперь я еще и чувствую себя предательницей. Но если рассказать обо всем произошедшем, через час мы будем уже паковать вещи, чтобы вернуться в столицу.

Я меняю тему и спрашиваю, как устроилась в общежитии

она. Говорю о своей странной соседке Розе, о баскетбольном матче. Мама делится секретом о предстоящем зимнем бале, который проходит каждый год в залах Академии. Я фальшиво улыбаюсь. Когда ее глаза горят в этот момент, мои бегают по окружающим в поиске того незнакомца, из-за которого я не могу сосредоточиться.

Русые отросшие волосы, загорелое лицо, улыбка до ушей. Он в белых хлопковых штанах, футболке и джинсовой куртке светлого цвета. Стоило мне разглядеть в этом сталкере знакомое лицо, от сердца отлегло.

– Извини, если помешал, не фанатка «Воронов», – подходит ближе и улыбается еще шире.

– Дмитрий Барсов, – чуть наклоняю голову, рассматривая парня.

Я, кажется, рада его видеть. Успела в какой-то миг забыть, что случайно познакомилась с капитаном команды «Барсов». А еще несказанно выдохнула, что это оказался всего лишь обычный парень, а не какой-нибудь Бирн или его свита.

– Все верно. Я приглашал тебя на кофе, но ты жестоко меня обломала. Напугал? Я стоял за тем углом и наблюдал за тобой. Сразу подойти не рискнул, ты не одна, – мама слегка покашливает.

– Прости, это моя мама Мария Федоровна, мам, – это Дима Барсов. Мы познакомились на баскетболе. Только что рассказывала.

Первый раз нахожусь в такой ситуации и чувствую себя крайне неловко, в отличие от того же Димы. Он говорит несколько комплиментов, и мама быстро расплывается.

А потом между нами повисает неловкость. Я поправляю волосы, быстро моргаю, пробую скинуть с себя легкую нервность. Но она с громким звуком «дзинь!» ударяется о небо и посылает в глаза тысячи искр, стоило Барсову обратиться к моей маме:

– Вы не против, если я с Лидией выпью чашку кофе? В прошлый раз она бесчеловечно мне отказала.

Мои руки свисают вдоль тела, наступает внезапная слабость. И несколько страшно. Это первый раз, когда к маме обращаются с таким вопросом.

– Лида? – обращается мама ко мне. Если я открою рот и начну говорить, буду заикаться как ни разу в жизни, – я схожу в мастерскую. Села батарейка на наручных часах. А вы сможете пока поговорить.

– И прогуляться, – встревает Барсов. А он довольно настойчив и совсем бесстрашен. – Обещаю, с Лидией все будет хорошо.

– Конечно. Это я с виду тихая мама-наседка, а если что случится с моей единственной дочерью, Дмитрий Барсов... Хорошей вам прогулки, – одарив его многозначительным взглядом и скромной улыбкой, мама решает оставить нас.

– Строгая, – Дима говорит ей вслед.

Поняла, что почти не дышала все это время. В груди жгло

после первого осознанного и глубокого вдоха.

Поднимаю голову на высоченного Барсова, он стоит и открыто улыбается, подмигивает. Потом начинает смеяться.

– Это не свидание, Дима, – говорю, придя в себя.

Однако передо мной оказывается раскрытая ладонь Барсова – по размеру она как половина карты мира – и он сгибает пальцы, требуя вложить свою ладонь поскорее. Я вся в сомнениях.

Мы идем по улице вверх, держась за руки, и я не скажу, что испытываю от этого какой-то щемящий восторг. Нет, его рука теплая, сухая, моей ладони достаточно комфортно, но я все же хочу вырвать свою руку и вытереть внутреннюю сторону. Странно, ведь Барсов не вызывает у меня никакого отращения.

Дима задает какие-то вопросы, я отвечаю. Завязывается диалог, даже легкие споры. Но полностью расслабленной я так себя и не почувствовала.

– Должен признаться, я увидел тебя сразу, когда ты с мамой вышла из автобуса. Проследил за вами и ждал удобного случая, чтобы подойти.

Дима купил нам по кофе с собой, и сейчас мы уселись на единственную свободную скамейку в парке.

– Все же ты сталкер? – прищуриваюсь и смотрю в светлые глаза парня. Его ресницы такие длинные, что я, наверное, зеленею от зависти.

– Это плохо?

– Современная литература, говорит, что женская часть населения от восемнадцати до бесконечности сейчас от этого тащится, – перефразируя недавно прочитанную статью, сообщая.

– А ты?

Верхняя губа Барсова, которая значительно тоньше нижней, покрыта пенкой. Я смотрю то на нее, то в глаза Димы.

– Если ты не маньяк и не следил, чтобы что-то обо мне узнать за моей спиной, то я готова смириться и даже простить. Но все же ты меня напугал.

– Прости, – смеется и слизывает подсохшую пенку кончиком языка. Мне неловко. Это я своими бесконечными взглядами на губы показала, что что-то не так, да?

Повисает пауза и с ней же мы возвращаемся к тому месту, откуда меня Барсов и забрал.

– Я могу рассчитывать на еще одну встречу? Но уже запланированную? – до кафе, где меня уже ждет мама, остается несколько метров и светофор.

– Может быть, – отвечаю обтекаемо. Сама думаю о том, что это не очень хорошая идея.

Дима хмыкает и крутит на большом пальце брелок от машины. Там надпись, которую не могу прочесть с первого раз. Но ясно одно – машина дорогая. Я вспоминаю, что Дима Барсов – двоюродный брат Бирна, а значит, его семья такая же богатая, как и мажора Руслана.

– Что ж, теперь продиктуешь свой номер, чтобы я смог

еще раз уточнить о встрече? – его приятная настойчивость обезоруживает.

Причину для отказа придумать так и не смогла, поэтому сдаюсь и диктую заветные цифры. Вбивая каждую, он не забывает поглядывать на меня. Я тут же задумываюсь, что же такого он во мне нашел и не розыгрыш ли это?

– Могу спросить?... – толкаемая внезапным порывом, спрашиваю.

Дима разворачивается и склоняет голову набок. Его хитрый взгляд забирается под кофту, и я обхватываю себя руками. Будто бы мерзну.

– У меня нет девушки, Лидия. Я свободен.

– Я не об этом, – смущенная и чуть злая, закусывая нижнюю губу. – Ты был в Академии, когда Стелла Юсупова еще училась?

Радужное выражение лица Барсова стекает расплавленным воском под ноги. Черты заостряются, кожа бледнеет. Отдаленно он напоминает мне Бирна. Нижнее веко под левым глазом дергается.

– Учился, – коротко говорит.

– Все, что о ней пишут... писали... – это правда?

– Зачем тебе это, Лидия? – Дима убирает руки в карманы джинсов. Выдыхает, и его плечи опадают.

Он кажется мне расстроенным, а я чувствую за собой вину. Но она вмиг проходит, стоит вспомнить о деле.

– Я нашла объявление, и мне стало интересно.

– Я знаю, что показанная всем идеальная жизнь имеет мало общего с настоящим в большинстве случаев. Стелла неплохая девчонка, и мы с ней хорошо ладили. Были ли у нее секреты? Они есть у всех. Даже у тебя, – его голос таинственно-грустный.

Глубоко вдыхаю и вместо мужского одеколona близко стоящего ко мне Барсова чувствую запах морозного ночного леса. Отворачиваюсь, чтобы сделать несколько быстрых вдохов и выдохов, выветривая прилипчивый аромат.

– К ее исчезновению может быть причастен Руслан? Или его игры? – хватаю Диму за руку и сжимаю. Все происходит рефлексивно, когда Барс уже собирался отойти. Мне нужны ответы и, глядя на парня, я уверена, что он в силах мне их дать.

– Своими играми он выманивает гнусные секреты, Лидия. Кто-то под давлением сдает друзей, кто-то рассказывает грязные тайны, делится компроматом. Эту схему игр он разработал, когда начал искать Стеллу самостоятельно, но сейчас... заигрался. Ее он не нашел, виновных в исчезновении и давным-давно, однако играть продолжает. Ты же... не нарвалась на неприятности?

– ...нет, – скрещиваю пальцы.

К тому же не собираюсь я участвовать ни в каких играх.

– Спасибо, что рассказал, – говорю искренне.

– Будь осторожна в этой Академии и с Бирном. Он опасен, Лидия.

Киваю несколько раз и слежу за Барсовым, как он садится в свою машину и уезжает, образуя на душе осадок от этого разговора.

Затылок снова припекает тяжестью.

Глава 15. Лида

В библиотеке и в самом здании пусто. Поздний вечер. Все студенты уже разъехалась по домам или засели в общежитии в своих комнатах. Только ботаники будут в такой час просиживать стулья в библиотеке. Или невидимки, чтобы, наконец, спокойно позаниматься, а не оглядываться и не ждать, что кто-то толкнет в спину, а выпавший из рук рюкзак закинет в кабинет к другому курсу, и придется извиняться и забирать его под общий гогот и насмешки.

Сквозь окна пробивается лунный свет, часто скрывающийся за быстро бегущими дырявыми тучками. Я совсем потеряла счет времени.

Когда на стол падает чья-то тень, я вздрагиваю.

– Через полчаса библиотека закрывается. Вам нужно сдать книги, – библиотекарь бегло осматривает учебные материалы, разваленные передо мной, и, цокая каблуками, удаляется.

Хватаюсь за сердце. Последние дни меня пугает каждый шорох. С того момента, как я нашла в книге объявление об исчезновении Стеллы, постоянно чувствую чье-то незримое присутствие. Но если до этого вечера Роза была со мной, то сейчас сидеть в одиночестве мне в край неудобно. Тишина в большом зале бьет внутри меня тревогой и нехорошим предчувствием.

Собрав книги в стопку, иду их сдавать, но библиотекаря на месте не обнаруживаю.

А если оставить как есть и уйти? Кроме меня здесь больше никого нет, и ей не составит труда вычеркнуть этот список из моей карточки.

Подождав еще пару минут, решаю пройтись. Стеллажи, стеллажи, стеллажи, дверь, наверное, в хранилище, металлическая лестница на второй этаж, где тоже одни стеллажи...

– Прошу прощения! Я готова сдать учебники! – мой голос дублируется эхом.

Ожидание порядком меня нервирует. Желание поскорее покинуть библиотеку становится острым. Я не могу понять, что с этим помещением и этой тишиной не так, но не чувствую себя здесь спокойно. Может, проблема в том, что я снова ощущаю пристальное внимание за спиной, а когда оборачиваюсь, все исчезает, и я думаю, что сошла с ума. Потом все повторяется.

Пока кручусь в поиске незваного гостя, взгляд цепляется за полку с алфавитными указателями всех студентов.

Б... Бирн. Р... Росс, Романова. Л... Ланцет. Есть даже фамилии преподавателей: Гольдфайн, Чацкий, Верещагин – это ректор. Таинственная персона, которую я не видела ни разу, а со слов Розы, он вовсе появляется два раза в год.

Дохожу до буквы «Ю» – Юсупова.

Стоит ли набраться наглости и открыть карточку пропавшей девушки? Это считается нарушением закона? Или пре-

небрежением правилами? В конце концов, это не мои документы, а там внутри список учебников и книг, которые Стелла брала для учебы. И не только.

В подтверждение моим мыслям, где-то громко хлопает дверь.

– Я здесь и жду, чтобы сдать книги! – кричу, но никакого ответа не следует.

Обхожу стол. Под моими ногами скрипят половицы, и к моему удивлению, я не пугаюсь, хотя руки потряхивает. Вынимаю карточку и пробегаюсь взглядом по ровному мелко-му почерку. Напротив каждой стоит аккуратная женственная подпись – С. Юсупова.

Боже, она даже расписывалась идеально. Вспоминаю свои закорючки, и меня охватывает нерациональное раздражение к этой девчонке. Да что с ней такое, раз она не позволяла себе даже крошечную ошибку или пометку сделать?

И вдруг понимаю, что одна книга попадает в ее списке очень часто. Стелла брала ее со стеллажа – я, очерчивая взглядом зал, пытаюсь отгадать, в какой стороне находится книга – и возвращала в тот же день. Так повторялось очень и очень долго.

Фотографирую последнюю страницу карточки и кладу все обратно. С меня сходит семь потов, и теперь легкое дуновение ветра из приоткрытого окна вызывает мурашки.

– О, вы уже все, – улыбаюсь широко библиотекарю, возвращаясь к своим учебникам.

– Я звала вас.

– Переодевалась. А там, за дверью, совсем ничего не слышно. Так, вы это сдаете окончательно или какие-то книги возьмете и завтра? Я их отложу и не буду возвращать на полки.

Прикрываю глаза, сосредотачиваясь на своих проблемах, а не на таинственном учебнике математики в руках Стеллы Юсуповой.

– Вот эти верхние оставьте на мое имя, – бросаю едва слышно.

Библиотекарь задерживает на мне свой взгляд, и страх холодной волной поднимается по груди к макушке. Я не могу сделать вдох. Мне кажется, что она все знает и попросит сейчас объясниться. Но передо мной вновь всплывает образ безукоризненной Стеллы Юсуповой с учебником в руках, и я полна решимости идти в своем расследовании дальше. Скорее всего, я нашла первую зацепку или то, что откроет один из ее секретов.

В этот момент мы слышим раскаты грома, и на землю опускается сильный ливень.

– Что ж, тогда до завтра, Лидия.

Закинув поспешно телефон в рюкзак и прижав тот к груди, выбегаю из здания и жадно хватаю свежий воздух ртом. Как же душно было в библиотеке!

Часы на башне громко бьют девять вечера. Ветер подбрасывает оглушительные удары и разносит по территории

усадыбы.

Темноту вокруг меня разрушает только фонарь над входом, покачивающийся от штормового ветра и издающий тоскливый одинокий скрип.

Я слышу, как бьется мое сердце, а в животе образуется спазм, когда правую часть лица обжигает. Но, повернувшись, никого и ничего не вижу.

Страшно до чертиков. Я совсем одна.

Бегу по тропинке в сторону общежития. Здесь не так далеко, как может показаться.

Ноги намокают, теперь помимо грохочущего пульса слышу еще и чавкающие звуки от моих ботинок. В боку покалывает, и я уже знаю, что, когда окажусь в комнате, буду ругать себя и свое воображение.

Вот ты трусиха, Лидия!

Знакомая крутая машина подрезает и резко останавливается передо мной. Меня орошает из лужи, и белая форменная блузка покрывается еще и грязными брызгами. Несколько капель попадают на лицо и в рот.

Противно, мерзко. Очень и очень холодно.

Сердце совершает последний удар и останавливается, когда в открытых окнах я вижу их: Грех и его свита. Короли Академии, те, от кого следует держаться за сотни километров, сейчас выходят из машины, пригвождая меня к месту.

– Садись, Колибри! – ровный, спокойный тон заставляет сжаться в комочек.

Они успели дать мне прозвище? Целый месяц не замечали, всех настроили на то, что меня, новенькой, не существует. Я – отброс общества, жалкая, никчемная стипендиатка. И стоило случайности произойти... Ладно, несколькими случайностям, но я правда не подслушивала намеренно, да и участвовать в их схемах точно не горю желанием.

– Нет. Я не могу. И не буду! – панически прижимаю к себе рюкзак, где прячется тетрадь с важными для меня записями и телефон с фотографиями.

Взгляд льдистых глаз Греха стягивает на моей шее тонкую удавку. Он знает про мое расследование, про найденную записку... И стоит мне открыть рот и заговорить...

Хочу убежать, но меня успевает окружить его верная стая. Дышать нечем. Тео, Аскольд, Натан, как титаны, обходят со всех сторон, глумливо посмеиваясь. Они выше и шире меня раза в два, а то и в три. Баскетболисты.

– Ты вступила в игру, Колибри, из которой уже не выбраться. Невредимой... – Тео гладит по щеке и пихает в руки Аскольду.

– Она очень рада. Правда, детка? – Натан толкает меня к Аскольду. Парни скалятся.

– Может, это ее план? Чтобы ее заметили. Поверь, я заметил, – Аскольд сжимает мою талию и втягивает запах моих волос. – Вкусная стипендиатка. – И грубо отталкивает, пока я не падаю на колени, больно расцарапав их до крови.

Поднимаюсь с трудом и пячусь. Сдерживаю слезы, как мо-

гу. Они не собираются прекращать это унижение.

Спиной натыкаюсь на стену по имени Тео, и моего носа и губ касается что-то влажное, неприятно пахнущее лекарством.

– Спокойно, Колибри. Больно не будет... Наверное.

Мои глаза расширяются в тот момент, когда расплывающаяся фигура Греха идет на меня и накрывает своей тенью подобно черному плащу.

– Я приказал тебе быть невидимкой. Ты ослушалась, – нагнувшись, шепчет. – Настала пора расплачиваться за непослушание. Ты в игре, Колибри!

Вырываюсь. Мои крики заглушает тряпка. Перед глазами все расплывается. Падаю. Последнее, что слышу:

– В багажник ее. Этой грязью нечего пачкать новый салон.

Жестокая игра, где еще не было ни одного раунда, началась.

Глава 16. Лида

Я не чувствую ног, правая часть тела затекла. Пытаюсь открыть глаза, но что-то мешает моим векам разомкнуться. Конечно, эти придурки завязали мне глаза. Пробую дотянуться до узла повязки, но руки не слушаются. Развязать получается не с первого раза.

Открываю глаза, прищуриваюсь. Пробую сосредоточиться, но сил хватает только на то, чтобы со страхом рассматривать окружающие меня развалины. Сердце без устали пробивается сквозь ребра, причиняя мне боль не хуже затекших ног. По стопам уже тянутся неприятные колючки, мышцы оттаивают.

– Добро пожаловать в первый раунд, Колибри, – раздаётся громко, будто над головой.

Поднимаю резко голову и на нее обрушивается тяжесть. Я едва могу соображать, пространство вокруг расплывается темными красками.

– Ч-что? – спрашиваю в пустоту.

– Ты сейчас далеко от Академии. Никто не знает, где ты и с кем. Поэтому, пока раунд не будет пройден, это место станет тебе родным. Советую не затягивать. Ну так что, сыграем? По моим правилам, – металлический голос замолкает.

Как это никто не знает? А как же библиотекарь? Она могла видеть, как меня волокут в машину. И не просто проез-

жие, а студенты Академии. Грех и его свита.

Стены вокруг продолжают танцевать, но я начинаю бегло осматривать обстановку.

Темно. Помещение наполнено вековой пылью. Сырость и грибок въелись в стены намертво, и каждый вдох промывает легкие этим тошнотворным запахом.

Проходя по комнате, ногами задеваю пустые бутылки и коробки. Меня пугает каждый шорох, издаваемый мной же.

– Что мне делать? – чуть громче спрашиваю. Уверена, эти придурки все слышат.

Где они? Наблюдают откуда-то из потайной комнаты? Нет, я бы слышала их. Где, в таком случае, они затаились?

– Все очень просто – найти выход, – отвечает все тот же металлический голос.

Я понимаю, что не все так просто. Глаза, привыкшие к полумраку, находят несколько окон. Они заколочены теми же старыми досками, пропитанными прошлым до каждой занозы. Между ними проглядывает свет, и я осторожно иду на него.

Это мало помогает понять, где же я. Поляна, вокруг такой же лес, как и у Академии. Но просматривается другая часть здания. Такая же заброшенная, заколоченная и старая. Если со мной что-то случится, никто и правда не догадается искать меня здесь – в пристанище разных деградантов, диггеров и сталкеров. Может, и еще кого похлеще.

Ноги окоченели. Они все такие же промокшие, как и бы-

ли, и я уже чувствую, как промораживает до костей и поднимается температура. Я умру здесь и так не узнаю всех тайн исчезновения Юсуповой. Почему-то сейчас это заботит больше всего, а не то, как мама будет без меня. Мозги превратились в первосортное и безвкусное желе.

За то, что Грех вытворяет такое, мне хочется стереть его с лица земли. Ненавижу!

Заметив дверь, бросаюсь к ней, но зацепившись за выступ старого паркета, падаю навзничь. Колени отдают резкой болью, давая спусковой крючок слезам. Дрожащими пальцами тянусь к ранам, из которых уже сочится кровь и смешивается с серой грязью.

– Ну-ну, Колибри. С таким подходом ты останешься здесь навечно. Составишь компанию паукам, летучим мышам и, возможно, привидениям, – даже сквозь наложенный металл в голосе я чувствую насмешку. И где-то там эта свита угорает от того, в какую ловушку угодила невидимка новенькая.

Делаю вторую попытку дойти до двери. На этот раз не спешу и смотрю под ноги. Никто и ничто не заставит меня убиться прежде, чем я доберусь до этой свиты.

Дверь не поддается. Закрыта, приварена, заколочена... Я пинаю ее ступней и до колена простреливает мощной вспышкой.

– Ах да, поможет выбраться отсюда тебе твоя... честность. Ты же честная птичка? – смех, набитый металлическими нонами, сгущает кровь, и я вижу перед собой расплывающиеся

круги, словно кто-то вылил щедрую порцию бензина.

По углам комнаты под самым потолком вижу мигающие красные лампочки. Одна, вторая, третья. Камеры? Ну конечно они. Как иначе следят за мной?

От пыли в воздухе в горле першит, я закашливаюсь и задыхаюсь. В носу тоже оседают частички обветшалых досок и повисших на окнах портьерах.

– Зачем ты следишь за мной? – этот придурок делает что-то с голосом, что тот разносится по всему помещению эхом. – Зачем? – эхо повторяется раз за разом. Громко, на высоких частотах. Я закрываю уши ладонями и сжимаю ими голову.

– Я не слежу, – шепчу.

– Тебя кто-то подослал? Кто?

– Никто.

Когда наступает тишина, я начинаю тарабанить в дверь, будто это мне поможет. Не добившись ничего, осматриваю комнату в который раз. Если здесь есть вторая дверь? Раньше проходы были длинными, сквозными. Один коридор сшивал несколько различных комнат.

Подхожу к противоположной стене, увешанной каким-то тряпками и плакатами. Внизу гора старых листьев и земли. Задетый ногой глиняный горшок падает.

Срываю все, что попадает под руку, отбрасываю от себя и несколько раз чихаю. Откуда-то взялось второе дыхание, а желание надрать задницу этой четверке просто срывает башню.

Но обнаруженная дверь тоже заперта.

– Честность – ключ к выходу, Колибри, – звучит расслабленно.

– Роза тоже играла, да? Поэтому ее не было несколько дней? Она не могла выбраться...

Я вспоминаю разодранные коленки, синяки. В ее глазах застыл ужас, но она так и не рассказала и слова о том, что с ней происходило за эти – о, боже – пять дней. Неужели секреты важнее жизни?

– Роза, Роза, Роза... Не знаю такую, – голос в открытую насмехается.

– А Стелла? И ее ты не знаешь? Она также ходила по этой комнате в поисках выхода? – кричу. – А потом умерла? Задохнулась!

Моя внезапная смелость не сойдет мне с рук. Чувствую это всеми фибрами. И по тому, как воздух в помещении изменился. Я здесь одна, но незримое присутствие кого-то покрывает все внутренности ледяной корочкой от страха. Стоит такая тишина, что ее можно резать.

Стою в оцепенении, пока... не щелкает первая дверь и не открывается сильным дуновением сквозняка. Путь открыт.

Кидаюсь к двери, пока Грех не передумал, и выбираюсь из ставшей душной комнаты. Оказываюсь в похожей, но по размеру она больше, и мебели здесь поприбавилось. Старой, разломанной, пригодной только в качестве дров.

– Кто ты, Лидия Романова? – все тот же голос преследу-

ет меня и здесь. Камеры расставлены по периметру. Мысль сорвать их закончится ничем: они очень высоко ввинчены. — Отвечай честно. Что ты забыла в Ададемии?

Но я думаю о том, как мне выбраться наружу.

Окна, понятное дело, также все забиты досками. Дверь напротив, сквозная, закрыта. Я даже начинаю вспоминать, не было ли каких-то потайных ходов в похожих усадьбах?

Но все уходит на задний план, все мысли и решения, когда я слышу свой же голос, и... голоса моих подруг, там, из прошлой жизни. Свита нашла мой профиль в соцсети, рылись там, просматривали все фотки и видео. Я кручусь вокруг своей оси, когда на стенах десятки проекций тех снятых когда-то давно роликов. Качество ужасное, картинка бежит с одной стены на другую, но я прекрасно знаю, кто на ней изображен.

Вся моя прошлая жизнь мелькает перед глазами.

— Какая идеальная девочка Колибри. На этом видео — твой день рождения. Тебе подарили новый телефон и поход на аттракционы. Банальщина. Единственная дочка профессора словесности, и... заядлого игромана. Он потом и выкрал твой новый телефон и проиграл? Сколько вещей твой папаша просадил в автоматы?

— Замолчи! — беру в руки какую-то деревяшку и кидаю ее в одну из камер. От руководящего мной гнева промахиваюсь.

— У тебя нет ничего, что хотелось бы иметь девочке-подростку. Тебе это просто не покупали. Отец все равно бы ото-

брал и проиграл. Потом, правда, он всегда возвращался в слезах и вымаливал прощение. Мать прощала, ты... тоже? Но беда в том, что заработанных на раздаче вшивых листовок денег не вернуть. А те деньги ты долго копила на наушники, и купить их так не получилось. У вас даже не было дома еды...

– Заткнись, Грех!

– Так я прав?

Опускаюсь на пол, не обращая внимания на зудящие колени и закрываю лицо руками. Плачу. Он узнал то, отчего каждому было бы стыдно. Тот грязный секрет, которым не делятся с подружками, боясь осуждения, непонимания, и... прерывания дружбы. Ведь однажды мой папа украл у моей подруги ее дорогую сумку, когда та пришла ко мне в гости. С тех пор я никому и никогда не говорила о своей семье. И переехали мы потому, что отец заложил свою долю в квартире, проиграв в карты. К нам вселились его дружки, и жизнь стала невыносимой.

Я плачу так, как не плакала давно. Внутри меня точно покопошились мотыгой и вывернули наизнанку. Раздираю предплечья до глубоких борозд, противно от самой себя, потому что я помню каждый день, описанный Грехом. Свои чувства, обещания, страхи и ненависть к отцу. Не любовь...

У всех были семьи, но не у меня.

– Ты прав, – говорю, заикаясь от истерики. Кровь смешивается со слезами и грязью. Я чувствую горький вкус разо-

чарования на языке, и хочется запить его хоть чем-то.

– Представляешь, что начнется среди студентов, если всплывет, что их преподаватель – жена вора, а студентка за соседней партой – дочь заядлого игромана? В Академии очень привередливая публика, жадная до чистоты.

– Как ты узнал?

– Я умею доставать правильную информацию.

Дверь щелкает. Значит, моя честность и правда ведет меня на выход. Только и представить не могу, через какие жернова еще прокрутят мою душу перед тем, как отпустить. Это жестокая игра, где победитель может быть только один – господин Грех.

– А теперь расскажи мне, зачем ты ищешь Стеллу? – спрашивает, как только я перешла в следующую комнату.

– Спустись ко мне и спроси сам. Или ты смелый только, сидя за стенкой?

Глава 17. Лида

Молчание.

Я кладу ладонь на грудь, ощущая каждый толчок сердца. Я не знаю, что именно хочет услышать от меня Бирн, потому что никаких секретов больше не храню. Но, боюсь, если *этот придурок* что-то вбил себе в голову, его не переубедишь. Наверное, у Бирна последствие какой-то травмы. Баскетбольный мяч очень тяжелый, если случайно залетает в голову.

Шагаю по россыпи мелких битых стекол и камней, наполняя зал скрежетом. До мурашек. Когда чувствую опоясывающее ощущение от чьего-то убийственного взгляда.

Острый.

Прокалывающий насквозь.

Выжигающий во мне дыру, как пуля, выпущенная в лоб из снайперской винтовки. Голова противно заболела от угольных глаз Руслана Бирна.

Вот он стоит собственной персоной в проеме следующего зала, убрав руки в карманы джинсов. Руслан в серой толстовке, капюшон накинут на голову, а половина лица спрятана под завязанной банданой. Уверена, чтобы не попасть на камеры.

Что, решился выйти, чтобы я не считала его трусом?

– Ну? – смеет спрашивать.

Злость берет за горло и крепко сдавливает. Иначе как объяснить, что я подбегаю к Руслану, не чувствуя ни одного сделанного шага, и со всей проблемной дурью бью его в грудь растопыренными ладонями. Словно оттолкнуть желаю.

Бирн не дергается, не отшатывается. А я...

– Вот ты ж блин! У тебя там стальные пластины, что ль? Ты из чего сделан?

Разрази меня гром. Я вижу его сверхкороткую ухмылку, которая рассеивается с первыми словами:

– Зачем ты ищешь Стеллу? – наконец-то металлический голос сменяется человеческим. Ну, почти. Не уверена, что Руслан после всего может называться человеком.

– А зачем ищут пропавших людей, м?

Потираю запястья, которые могла повредить, когда заманивалась на Бирна. Он не сводит с меня своих глаз. Кажется, и не моргает вовсе. *Бесчувственный робот.*

– Если ты не прекратишь, все твои секреты вскроются.

Бросаю уничтожительный взгляд, но он отлетает от Руслана, как пластиковые шарики от стены. Жаль, не умею испепелять. Мне бы сейчас этого ох как хотелось: показать, что я тоже чего-то стою, что тоже могу быть опасной.

Вот его схема: унижить, выковырять секреты и пользоваться ими, играть в своих интересах, руководить. Если скрываемая тайна жуткая, то можно пойти на что угодно, чтобы она не всплыла.

– Пока могу сделать вывод, что ты, Руслан Бирн, замешан

в деле Юсуповой. И мне еще больше интересно узнать тайну исчезновения Стеллы. И поверь, я узнаю. *Я узнаю!* – эмоционально выкрикиваю каждый звук.

Напоследок тычу указательным пальцем все в ту же стальную грудь Бирна.

Мы стоим непозволительно близко, и до меня долетает аромат его одеколона и мятно-вишневой жвачки.

Губы Руслана поджимаются от ярости, а глаза темнеют еще на несколько оттенков, затмевая серую радужку полностью. Как грозовая туча, несущая разрушение в середине солнечного дня. Учитывая его рост, мощь и проклятую заброшенную усадьбу, где оказалась не по своей воле, чувство самосохранения потерялось где-то по дороге сюда.

Вполне вероятно, одну *этот Грех* уже убил, с него станет избавиться и от меня – невидимки и новенькой Лидии Романовой.

– Жду от тебя честный ответ, Колибри. Я не шутил о том, как отсюда выбраться.

Скрещиваю руки под грудью, чтобы хоть как-то отгородиться от его раздувающейся грудной клетки, которая нет да нет, но дотрагивается до меня. Тянет встать на мысочки. Это гора мышц, нависающая как ночной небосклон, нагло ворует дыхание, даже того не подозревая.

Я молчу, упрямо уставившись в чужие глаза. Вспоминаю то видео-интервью и сложно поверить, что передо мной один и тот же человек.

– Ты сделала свой выбор, Колибри.

Остатки света гаснут, за окном фонари тускнеют и выключаются. На зал с громом обрушивается чернота. Густая, как липкий, тугой гудрон. Я вскидываю руки в поисках Руслана, но его и след простыл.

И паника заползает через ноздри внутрь, лишая меня остатков сил и разума. Страх с новой силой вселяется в каждую клетку, как к себе домой.

Странно... С Русланом страшно, а без него еще страшнее. Но я предпочту сейчас вновь колотить по его груди и ломать себе руки, чем остаться один на один с тишиной и темнотой этой комнаты.

– Я просто люблю детективы. Загадки. Расследования. История Стеллы Юсуповой меня заинтересовала, ее исчезновение нельзя назвать обычным, – выпаливаю на одном дыхании.

Какое-то время снова эта тишина, дергающая мои нервы с корнем по одному.

– Исчезновение человека кажется тебе... забавным?

– Нет. Но я ответила честно, как ты того и хотел, Руслан Бирн. Я выполнила условие игры.

Я слышу, как на коже выделяются капельки пота и стекают по позвонкам. Как пульс стучит в висках, подгоняя кровь двигаться быстрее. Как раскрываются легкие, впуская себя молекулы кислорода, покрытые пылью. Слышу скрип паучьих лапок по паутине...

И свет зажигается. Яркий, прожигающий сетчатку до слепоты. Привыкнув, рассматриваю зал, в котором провела, по ощущениям, половину своей жизни.

Здесь и правда много грязи и старых вещей. Все испорчено, побито. Выглядит мрачно и одиноко. Сколько этим вещам лет? У них наверняка своя интересная история.

Я подхожу к старому, полуразрушенному роялю. Там не хватает больше половины клавиш, а внутри все испутано паутиной, и... мышинными экскрементами. Какая гадость.

– Ты можешь идти, – звучит неподалеку.

Оборачиваюсь, но от Бирна только облако его мятно-вишневой жвачки и осталось.

Ноги сами отрываются от пола и несут вперед по залам. Я вижу удаляющуюся спину Руслана, но на мои крики и просьбы он даже не оборачивается. Эгоистичный придурок, думающий, что он царь и господин. Сжимаю ладони в кулаки от ненависти к этому парню.

Он идет размеренно, но даже так я мало поспеваю. Его шаг равен моим трем.

– Что тебе, Колибри? Твоя игра закончена. У меня есть то, что заставит тебя вести себя тихо и не высовываться, а ты можешь возвращаться в общежитие и готовиться к контрольной по латыни. Чацкий только кажется душкой, а так он зверь, когда дело касается его предмета. Будто, случись армагеддон, мы все будем обязаны перейти на один единственный язык – латинский, – это самая длинная речь, которую я

слышала от Бирна с первого учебного дня.

– Уау! – все, что могу произнести, и... спотыкаюсь вновь о какую-то корягу под старинным дубом. Эта усадьба заброшена по всем фронтам.

Боль атакует колени, и я уже не сдерживаю слез. Сцепляю челюсти, терплю, чтобы не выдать истерику. Кусаю губы, чувствуя на них все ту же вековую горькую пыль. Теперь в жизни не ототру этот запах с себя.

На дороге две большие машины. В одной я узнаю ту, на которой меня сюда и привезли. Вторая незнакомая. Свита Греха в ожидании своего предводителя, и им нет совсем никакого дела до меня. Они складывают какие-то сумки в багажник, смеются.

Еще чуть-чуть, и рассядутся по салону и уедут, оставив меня здесь одну.

– Руслан, – зову беззвучно.

Холодный ветер приносит запах моря. Волосы скручиваются в жгутики, я кутаюсь и неуверенно поднимаюсь на ноги, которые совсем перестала чувствовать. Я по-прежнему мокрая до нитки, в разорванных кедах и грязной одежде.

Вот уже парни хлопнули дверьми, завели моторы... Уезжая, они вырубili везде свет, и если сейчас унесутся прочь, мне нужно будет ждать рассвета, чтобы видеть дорогу.

Я подлетаю к машине Бирна в самый последний момент и со всей силы бью по стеклу. Одна машина уезжает, вторая, газанув, резко тормозит. Руслан останавливается. Пассажир-

ская дверь автоматически открывается, и я, не задумываясь, открываю и сажусь.

Благородный придурок. Вот бы отомстить ему!

– Я не подвожу игроков, Лидия. Воспользуйся услугами такси.

Надо же, он знает (помнит?) мое имя.

– У тебя есть аптечка, Руслан? – спрашиваю, не обращая внимание на слова Бирна.

Руслан бросает взгляд на мои разодранные колени и тихо ругается. И пусть только попробует выкинуть меня отсюда, как дворового котенка. Я докажу его причастность к исчезновению Стеллы и сдам его в полицию, даже если у него была тысяча и одна причина это сделать.

– Грех. Меня зовут Грех! Руслан я для близких мне людей.

– И антисептик. Много антисептика, Руслан. Как бы сепсис не начался...

Глава 18. Лида

Пока рассматриваю свои колени, Руслан пригвождает меня хмурым взглядом к сиденью. От Бирна веет гудящими на весь салон уничтожающими волнами, я плавлюсь. Он прожигает глазами мою кожу на ногах, не щадя, но потом выходит из машины. Возвращается с аптечкой и кидает пластиковый контейнер мне на многострадальные колени.

Где ваши манеры, господин Грех?

Отщелкиваю замки. Только этот резкий звук и наполняет небольшое душное пространство. Внутри аптечки оказывается все, что угодно, даже... презервативы, но антисептика нет.

Руслан демонстративно покашливает. Раздражающие меня волны сменяются на веселые. Саркастичные. От них в салоне становится еще душнее, вся шея пестрит испариной.

Я точно заболею...

– Ты знаешь, где здесь круглосуточная аптека? – спрашиваю осипшим голосом.

Ну вот, снова это бурное раздражение. Или, скорее, бешенство.

Забрав у меня аптечку, откидывает ее на заднее сидение и до скрипа сжимает руль. Заведя мотор, с пробуксовкой стартует.

Знаю, что для своего же спокойствия нужно сидеть тихо,

не высовываться. Отстать. Эта жестокая игра показала, каким Руслан Бирн может быть му... Плохим парнем. Но перенесенный стресс и черная обида за поврежденные колени вырубает какие-то кнопки в моем организме, отвечающие за здравомыслие. Да и как представлю, что Розе или той же Стелле была нужна помощь, но ее им не оказали, резервные силы восстают и требуют справедливости. Настоящая революция!

– Ты меня слышишь, Руслан? – вот бы потрясти его за плечи, но для этого нужно наскрести чуть больше смелости и отчаяния.

Мы медленно едем по раздолбаной в крошку дороге. Она не видела ремонта лет так тридцать. Абсолютно заброшенное, мрачное место.

– Дай хотя бы воды. Я раны промою.

Руслан останавливает машину, меня отбрасывает вперед. Из кармана позади сиденья достает и передает бутылку. Пластик похрустывает в его руке. О степени бешенства можно только гадать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.